

№ 10 (310). ОКТЯБРЬ 2016

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

25

ЛЕТ

К 25-ЛЕТИЮ «МОСКОВСКОГО ЖУРНАЛА» (1991–2016)

*В.Ю. Желваков. Всенародные ликования на Манежной площади
в день чествования «Московского журнала».
Коллаж для друзей. 10 декабря 2004 года*

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий журнал

Главный редактор
Анна Филипповна Грушина

Редколлегия:
Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов), Г.В. Аксенова,
А.А. Белай, С.Ю. Житенёв,
В.Ф. Козлов, В.В. Максименко

Художник-верстальщик
С.А. Алопин
Редактор-корректор
О.В. Соловьева

Учредитель: ОАО «Редакция газеты
«Вечерняя Москва»». 2016

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 127015, Москва,
Бумажный проезд, д. 14, стр. 2
Телефон: (499) 557-04-27, доб. 414, 416
E-mail: mostag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Рекламная служба: (499) 557-04-03
E-mail: reklama@vm.ru

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство № ФС77-62785 от 18.08.2015 г.

Подписано к печати 20.09.2016.

Печать офсетная.

Объем 12 п. л. Формат 64 × 90/8.

Тираж 43 000 экз.

Цена договорная.

Заказ № 25175

Отпечатано:

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

142100, Московская обл., г. Подольск,

Революционный просп., д. 80/42

Материалы основных рубрик
рецензируются.

В НОМЕРЕ:

**К 25-ЛЕТИЮ
«МОСКОВСКОГО
ЖУРНАЛА»
(1991–2016)** **2** Журнал и его авторы
Материалы юбилейного круглого стола

**ИСТОРИЯ
МОСКОВСКОГО
ДОМА** **14** Кирилл Валерьевич Жижкевич
«В таких особняках мы будем селить
иностранные посольства...»
*О городской усадьбе Сергея Павловича Берга
в Денежном переулке*

**ДАЛЕКОЕ
И БЛИЗКОЕ** **28** Тамара Васильевна Вересова
«Любуемся Псковом...»
*О возрождении древней псковской
Пантелеимоновской обители*

**ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЕ
КОММЕНТАРИИ** **33** Галина Андреевна Аляева
Писатель Александр Неверов
(1886–1923)
К 130-летию со дня рождения

**ИЗ ИСТОРИИ
МЕДИЦИНЫ
В РОССИИ** **39** Сергей Анатольевич Иванов
«Не одна жизнь была Вами спасена...»
*О земском враче-подвижнике
Петре Павловиче Васильеве (1867–1930)*

**ПРАВЫ
И ХАРАКТЕРЫ** **50** Татьяна Владимировна Руденко
«Изящная простота во всем»
*Как в России XIX века «люди хорошего тона»
заботились о своем гардеробе*

**ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
МОСКОВСКОГО
СТАРОЖИЛА** **62** Ирина Рудольфовна Монахова
На книжной ниве
О библиотечном деле в Москве

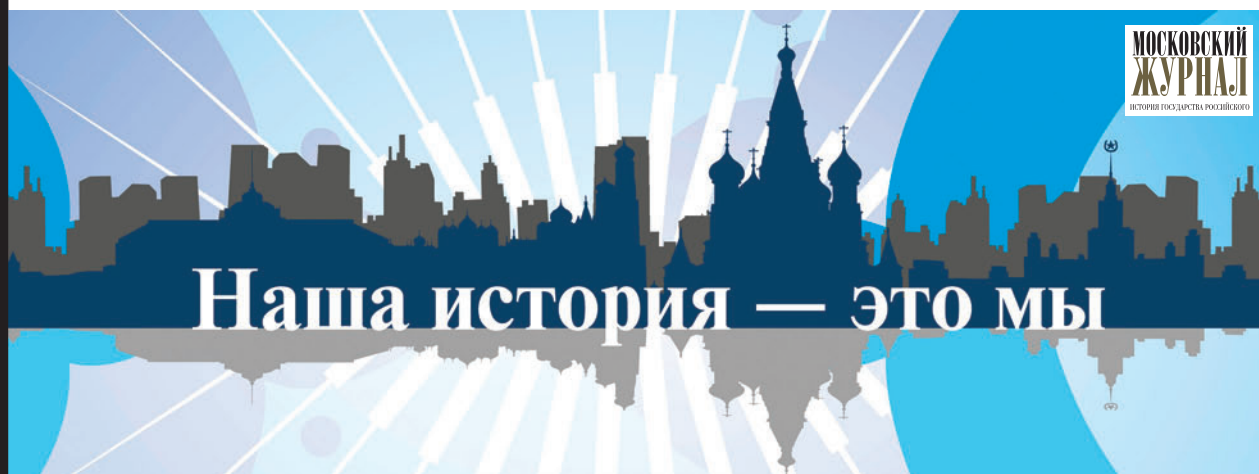
**ДАТЫ, СОБЫТИЯ,
ФАКТЫ** **68** Из истории денег в России
К 700-летию рубля
Ирина Рудольфовна Федоркова
Рубль: от Руси до современной России
Игорь Владимирович Ширяков
Работа над ошибками

**ВОЗВРАЩАЯСЬ
К НАПЕЧАТАННОМУ** **85** Галина Владимировна Аксенова
Рябушкин знакомый и незнакомый
*Образ художника
Андрея Петровича Рябушкина (1861–1904)
в словесных описаниях,
а также на картинах и рисунках разных лет*

**КАРАНДАШОМ,
РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ** **90** Иван Иванович Магер
Портрет, натюрморт, пейзаж...
*О московском художнике и педагоге
Сергее Алексеевиче Котове*

Журнал и его авторы

Материалы юбилейного круглого стола

От редакции

Круглый стол, который состоялся 30 августа 2016 года, можно уже считать традиционным: первое подобное мероприятие под тем же названием прошло 10 лет назад и было приурочено к 15-летию «Московского журнала». Сегодня состав участников другой, но цель остается неизменной — вместе с постоянными и наиболее активными нашими авторами (таковых много, но собрать всех, разумеется, задача неисполнимая) попытаться оценить пройденный изданием путь и по возможности заглянуть в будущее. Это, конечно, в первую очередь разговор о журнале, но также и об его авторах, их трудах, поисках и обретениях, ибо без авторов журнала нет.

В беседе, запись которой предлагается вниманию читателей, приняли участие создатель и главный редактор «Московского журнала» Анна Филипповна Грушина, заместитель главного редактора Александр Александрович Белай, литературный редактор Кирилл Валерьевич Жижкевич, Вячеслав Сергеевич Лопатин, Владимир Фотиевич Козлов, Георгий Владимирович Ляпишев, Александр Пантелеевич Луняков, Владимир Алексеевич Воропаев, Виктор Петрович Пензин.

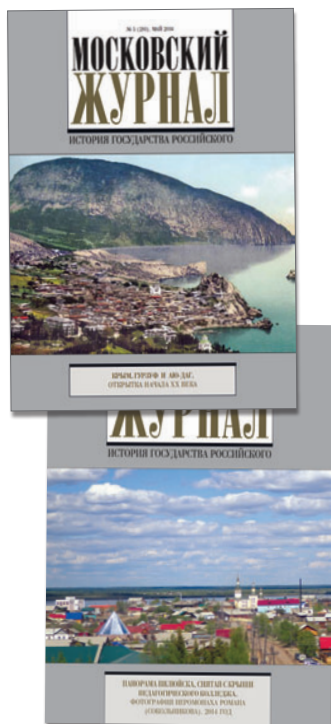
Анна Грушина. Я пришла сюда сразу же после встречи с членом нашей редколлегии митрополитом Истринским Арсением (Епифановым), который просил передать собравшимся свое благословение и пожелание плодотворной работы. Всех нас владыка назвал, по Шукшину, Иванами, помнящими свое родство. С удовольствием исполняю его поручение.

25-летие такого журнала, как наш, — издания державно-патриотического, политически неангажированного, никогда не колебавшегося в зависимости от «партийной линии», исповедующего свои принципы *прямо и честно*, — по нынешним временам веха нешуточная. Нам пришлось пройти, как говорится, огонь, воду и медные трубы. Многие созданные одновременно с нами печатные СМИ давно канули в небытие; нам же, несмотря на огромные трудности, на то, что дважды журнал находился на грани закрытия, удалось выстоять. Есть даже успехи: в этом году тираж журнала начал расти. И сегодня, предваряя разговор, я хотела бы вкратце, отчасти повторяя уже сказанное и опубликованное мной по сему поводу в других местах, напомнить о том, как все было...

Решение президиума Московского городского совета народных депутатов №27 от 16 июля 1990 года об учреждении нашего издания (первый номер вышел в январе 1991-го) означало, по сути, возрождение созданного в 1791 году Николаем Михайловичем Карамзиным «Московского журнала», в том числе и этого славного названия, которое новый журнал принял с гордостью и чувством величайшей ответственности. В № 1 было помещено обращение главного редактора к читателям, где подчеркивалась историческая преемственность современного «Московского журнала»: «Обязуясь неизменно помнить о высоких идеалах служения исторической правде, которые исповедовал наш гениальный предшественник, мы также поведем речь о Москве. <...> Все, что может прояснить нашу многотрудную историю, все, что будет способствовать духовному, культурному возрождению Отечества, мы опубликуем с удовольствием». Наименования рубрик тех первых лет говорят сами за себя: «Светильники веры», «Культурное наследие», «Русь православная», «Сословия и уклады старой Москвы», «Из записной книжки московского старожила», «Былое», «Московский некрополь»... Со временем журнал сделался одним из наиболее значимых периодических изданий в сфере москвоведения. Однако с самого начала было очевидно: ограничиться в беседе о Первопрестольной только московской тематикой невозможно, ибо такой разговор неизбежно предполагает общероссийский масштаб (мы всегда помнили бессмертные слова Н.М. Карамзина о том, что без Москвы нет России). В журнале действительно находили отражение все сферы исторического бытия нашего отечества, что в 1995 году повлекло за собой появление на титуле подзаголовка «История государства Российского». Именно таков был и остается охват: от Калининграда до Владивостока, «с южных гор до северных морей». Это, в частности, нашло выражение в подготовке и выпуске специальных номеров, посвященных истории и современности различных городов и регионов России: Мордовия, Череповец, Серебряные Пруды, Кирово-Чепецк, Кузбасс, Сахалин, подмосковный Королёв (Калининград), Боровск Калужской области, Борок Ярославской области, Касимов, что на Рязанщине, далекий якутский Вилюйск и другие, наконец, Крым (один из номеров

*Анна Филипповна
Грушина —
член Союза писателей России,
член Союза
журналистов Москвы,
заслуженный
работник культуры
Российской Федерации,
почетный работник печати
города Москвы*

*Специальные номера,
посвященные Крыму
и Вилуйску*

*Две последние книги,
изданные
«Московским журналом»*

про него делался по горячим следам сразу после воссоединения), который мы всегда считали российским: в журнале много лет существовала и активно наполнялась рубрика «Русский Крым» — это в те времена, когда возвращение полуострова в состав России значительному большинству наших граждан представлялось идеей абсолютно утопической!

Замечу, что возрожденный «Московский журнал» никогда не замыкался в рамках только собственно печати, стремясь осуществлять культурно-просветительскую деятельность и в других формах. Многим памятливы наши «Вторники» в ЦДРИ — своеобразные устные выпуски журнала, — на которых проходили встречи читателей с поэтами, писателями, артистами, учеными, военными, где демонстрировались фильмы, звучали стихи и музыка, велись обстоятельные заинтересованные разговоры об исторических судьбах России, ее духовности. Эти вечера на протяжении 1990-х и в начале 2000-х годов представляли собой заметное явление в культурной жизни Москвы.

Наряду с упомянутыми специальными «региональными» номерами нами выпускались отдельные тематические номера или блоки материалов, посвященные прошлому и настоящему российского образования, медицины, пограничной службы, флота, железнодорожного сообщения, крупнейших промышленных предприятий и так далее. Подготовка публикаций осуществлялась в тесном сотрудничестве с местными администрациями, историками, краеведами, музейными работниками, архивистами и была связана с поездками. Если добавить сюда многочисленные выездные встречи редакции с читателями, участие в самых разнообразных общественно-культурных акциях и просветительских мероприятиях международного, всероссийского и регионального уровней, то можно без преувеличения сказать, что работники редакции журнала исколесили всю Россию.

Еще один приметный факт нашей биографии. «Московский журнал» создавался на базе прекратившего существование издания Моссовета — журнала «Архитектура и строительство Москвы». В цитированном выше вступительном слове главного редактора тогда говорилось: «Многие темы “АиСМ” уже полюбили читатели, и мы от них не откажемся». Редакция свое обещание выполнила и, более того, в 1995 году при поддержке Департамента строительства Правительства города Москвы возобновило это одно из старейших и заслуженных архитектурно-строительных изданий России, выходившего под эгидой «Московского журнала» до начала 2000-х годов, когда страну потряс очередной кризис.

Авторами «Московского журнала» в разное время являлись и являются сейчас видные историки, искусствоведы, краеведы, философы, архивисты, филологи, юристы, ученые-естественники, врачи, педагоги, военные; журнал на протяжении всего времени существования сотрудничал с крупнейшими учреждениями науки и культуры — Институтом российской истории и Институтом русского языка РАН, Российской академией архитектуры и строительных наук, Союзом писателей, архитекторов, художников России, Обществом «Старая Москва», ВООПИиК, Государственной Третьяковской галереей, Российской государственной библиотекой и многими другими.

Нельзя не сказать здесь и о нашей издательской деятельности, которая сейчас по ряду не зависящих от нас причин прервалась, но, надеемся, в грядущем возобновится. Она бы-

ла многообразна и разнопланова, но при этом мы никогда не опускались до тиражирования любого рода конъюнктурного читива. За прошедшие четверть века нами были подготовлены и изданы сотни книг, альбомов, буклетов, посвященных изучению и популяризации отечественного культурно-исторического и научно-технического наследия, сборников избранных произведений забытых писателей.

Менялись времена, менялся, что неизбежно, состав редакции, менялся формат и полиграфическое оформление «Московского журнала» (таким, каким сегодня его знают читатели, он стал в 2008 году в результате обращения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к тогдашнему мэру Москвы Ю.М. Лужкову насчет улучшения полиграфических характеристик издания и увеличения его объема). Одно оставалось неизменным — заявленные в 1991 году направленность и пафос нашей работы, которые мы кратко сформулировали для себя так: «В прошлом России — ключ к ее будущему». Вместе с тем творческая концепция журнала, опираясь на свои краеугольные принципы, конечно же, развивалась и обогащалась по мере осмысления текущих событий. Уже давно «Московский журнал» знают и читают не только в России и СНГ, но и за рубежом (США, Австралия, Северная Африка, Западная и Центральная Европа, Латинская Америка), о чем свидетельствует его обширная почта. Он интересен как специалистам, так и остальным людям, неравнодушным к судьбам отечества. Экономика, техника, хозяйствование, наука и искусство, образование, медицина, армия и флот, религиозно-философская мысль, православное подвижничество — все сферы российской жизни предстают на страницах издания в своем становлении и развитии, в бесконечном многообразии исторических взаимосвязей. На фоне этой величественной панорамы краеугольная идея «Московского журнала» предстает еще и как поиск вечного во временном, небесного в земном, великого в малом, чудесного в повседневном. И в данной связи особую важность приобретает понимание нами того, что есть История. «Московский журнал» исходит из основополагающего значения этого слова (от греч. *historia*) — рассказ о прошедшем, узнанном. Именно так: рассказ-узнавание — принцип Н.М. Карамзина. При этом главное условие — любовь к родной истории и ее восприятие как промысла, направляемого свыше, а не как череды случайных и потому подвластных любым интерпретациям явлений. Отсюда — утверждение нерушимой связи времен в российской истории, обращение к ней с доверием и упованием. Соответственно, способ изложения в «Московском журнале» максимально повествователен и минимально суггестивен, но одновременно пронизан интенцией противостояния своим антиподам — безответственным и поверхностным текстам «на тему» русской истории, экстравагантным домыслам и примитивным черно-белым толкованиям.

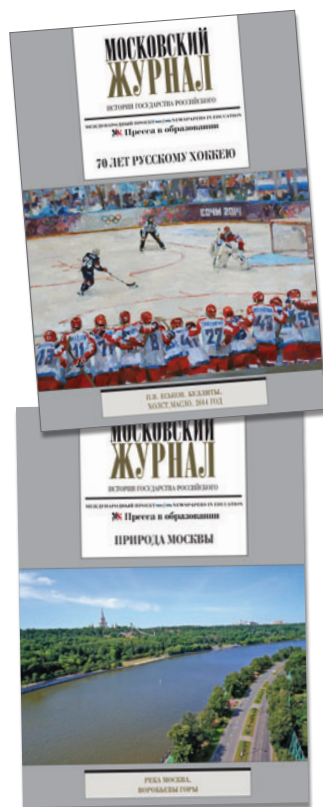
С 2009 года «Московский журнал» реализует еще и масштабный культурно-просветительский проект, выпуская иллюстрированные приложения по двум тематическим направлениям — «Почетные граждане Москвы» и «Пресса в образовании». Первое направление посвящено жизни и деятельности российских и иностранных граждан (юбиляров текущего года), за выдающиеся заслуги перед Москвой в разное время удостоенных звания «Почетный

*Приложения к журналу
по проекту
«Почетные граждане
города Москвы»*

*Приложения к журналу
по международному проекту
«Пресса в образовании»*

гражданин города Москвы». Задача второго — дать педагогам и учащимся дополнительный к основному курсу родной истории материал, касающийся разных сфер российской жизни в прошлом и настоящем. На сегодняшний день нами выпущено полсотни таких приложений, каждое из которых представляет собой развернутое историко-биографическое или историко-аналитическое исследование. Все их перечислить невозможно, назовем лишь темы некоторых, чтобы дать хотя бы общее впечатление о проекте, успевшем получить широкое признание: «Галина Сергеевна Уланова», «Николай Иванович Пирогов», «Валерий Иванович Шумаков», «Братья Василий и Александр Алексеевичи Бахрушины», «Павел Михайлович Третьяков», «Виктор Антонович Садовничий», «Александра Николаевна Пахмутова», «Георгий Васильевич Свиридов», «Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II», «Российская космонавтика», «Монументальное искусство Москвы», «Россия в Первой мировой войне», «Дом Пашкова», «История российской медицины в лице ее выдающихся московских представителей», «К 70-летию Великой Победы», «Российские железные дороги», «Русские путешественники», «Поющая Россия (звезды отечественной вокальной сцены конца XIX — начала XX века)», «Природный комплекс Москвы», «Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны»... В настоящее время эта работа — по общему мнению, плодотворная и актуальная в сегодняшней непростой культурно-образовательной ситуации — продолжается.

Таким был наш 25-летний путь. Смее думать, что нам уже, как пел Высоцкий, есть чем оправдаться перед Всевышним и есть еще что сказать нашим читателям... А теперь я передаю слово уважаемым авторам.

Вячеслав Лопатин. Я кинорежиссер, сценарист, историк. В основном работаю в жанре документалистики, делаю фильмы по истории. Моя картина «Суворов» в 1980 году претерпела сокрушительный удар со стороны Госкино. В ней я хотел показать Александра Васильевича Суворова прежде всего как мощную духовную личность. Это было принято в штыки. Говорили, что я бросаю неместные сравнительные намеки в сторону Л.И. Брежнева. К тому же деятели во власти, наверное, позавидовали, что Суворов знал шесть иностранных языков и был, в отличие от них, широко образованным человеком, а не просто управленцем и начальником в своей сфере. Но нет худа без добра. Получив такой афронт, я почувствовал себя обязанным продолжать борьбу за историческую справедливость и написал в числе прочих книги «Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками», «Суворов» (серия «ЖЗЛ»), «Потемкин и Суворов», подготовил для серии «Литературные памятники» письма Суворова, его переписку с Екатериной Великой...

По поводу сказанного Анной Филипповной о крымской теме на страницах «Московского журнала»: замечательно, что вы посвящали Крыму отдельные номера, а также множество текущих публикаций. Крым, как известно, и ныне предмет ожесточенной недружественной риторики со стороны Украины и ее союзников. Вот недавно в Симфе-

рополе восстановили памятник Екатерине II. Состоялось прекрасное торжество. Естественно, Украине это не понравилось. Ее представители выступили с заявлением: дескать, в ходе присоединения Крыма к России в XVIII веке произошел геноцид крымско-татарского народа, выселили сто тысяч человек, потом еще сто тысяч! Для меня как для историка это нонсенс. По вопросу численности населения в Крыму на момент присоединения любят приводить фразу немецко-российского академика Петера Симона Палласа (1741–1811), что тогда там проживало до полумиллиона крымских татар. К счастью, наши архивы — эти сокровищницы — при нас. И вот о чем свидетельствуют документы. Каждые две недели императрице подавался отчет о состоянии дел в Крыму, а Потемкин, как только полуостров присоединили, сразу велел сделать перепись населения. И обнаруживается, что в Крыму проживало тогда 52 тысячи татар мужского пола. Сколько ни прибавляй сюда жен и детей, никак нельзя говорить о высылке двухсот тысяч человек — в таком случае в Крыму татар вообще не осталось бы! К тому же с присоединением к России крымско-татарский народ получил сто лет мирной жизни, что для них было невиданным подарком. Изучайте архивы, господа, а не рассказывайте злонамеренные сказки! В разоблачении этих сказок «Московский журнал» сыграл немалую роль. В последнем «крымском» номере нашлось, кстати, место и моему материалу, прояснившему ряд моментов эпопеи «покоренья Крыма»...

И еще одно замечание. Известно, сколь огромное влияние оказывает на массовое сознание телевидение. Казалось бы, телевизионщики должны чувствовать столь же огромную ответственность за свои деяния. Ничуть не бывало! Взять телесериалы на различные темы из отечественной истории. Сценаристы не то чтобы не имеют должного представления об исторических событиях — они их попросту выдумывают, исходя из собственных крайне примитивных представлений о русском императорском дворе. В одном фильме свергнутого Петра III содержат в каком-то театре. Или вот еще сцена: братья Орловы предлагают бывшему императору сыграть на скрипке, он выводит какую-то мелодию — тут его убивают... Невероятно! Подобной отраве нужно давать решительный отпор! И я с удовлетворением констатирую, что «Московский журнал» в значительной мере исполняет и эту важнейшую миссию.

Александр Белай. А пресловутые «потемкинские деревни»? Вообще отношение к колоссальной фигуре Григория Александровича Потемкина?

Вячеслав Лопатин. Все та же отравка. Абсолютная некомпетентность, а часто и заведомое вранье! Я же говорю: идите в архивы, там все есть. Вот еще пример искажения исторической истины в отношении Потемкина — Бог знает откуда взявшаяся версия, будто он воспитывался у своего дяди Кисловского. Клевета! Потемкин рос у других родственников — Загряжских, очень знатных и богатых. Жили они на Ордынке, у Серпуховских ворот. Они и отдали Григория в дворянскую гимназию при Московском университете.

Анна Грушина. С Владимиром Фотиевичем Козловым мы сотрудничаем давно. Даже трудно вспомнить...

Вячеслав Сергеевич Лопатин —
кинорежиссер, сценарист,
заслуженный деятель искусств
Российской Федерации.
Снял более сорока
научно-популярных,
документальных и учебных
фильмов

Александр Александрович Белай —
член Союза писателей
России, лауреат Всесоюзного
литературного конкурса
имени М. Горького
на лучшую первую книгу
молодого автора,
почетный строитель
Российской Федерации

**Владимир Фотиевич
Козлов** —
председатель
Союза краеведов России,
председатель Московского
краеведческого общества,
председатель Общества
по изучению Крыма,
кандидат исторических наук,
профессор,
лауреат
Государственной премии
Российской Федерации

**Кирилл Валерьевич
Жижкевич** —
драматург,
режиссер-документалист

Владимир Козлов. С конца 1980-х годов. Я тогда работал в Московском историко-архивном институте, в Мосгорархиве, где хранятся все документы по истории московских храмов, усадеб, и в Музее древнерусской культуры имени Андрея Рублева. Там я обнаружил очень много ранее неизвестных материалов о сносе столичных храмов и монастырей. Анна Филипповна предложила мне сделать цикл статей на данную тему для журнала «Архитектура и строительство Москвы». Этот цикл в рубрике «Исчезнувшая Москва» открылся статьей «Конец Охотного ряда» о судьбе храма Великомученицы Параскевы Пятницы. А всего за время сотрудничества с «Московским журналом», ставшим для меня хорошей школой, я опубликовал здесь порядка сорока обстоятельных статей и очерков на различные темы.

Кирилл Жижкевич. Что Вы подразумеваете под «хорошей школой?» Шлифовку своего литературного стиля?

Владимир Козлов. Нет. Для меня самое главное — факты. Восстановление событий, сверка по первоисточникам. А «Московский журнал» — это еще, конечно, и стилистика, обработка статей. Здесь я доверяю редакторам. Я излагаю документально, местами суховато, однако отвечаю за каждое слово — ничего не выдумываю, не воображаю. «Школа» заключается в другом. Журнал задал мне направление изысканий — исчезнувшая Москва. Из статей со временем выростали более крупные работы — монографии, книги. Например, в прошлом году у меня вышла книга о епархиальном доме в Лиховом переулке. А все началось с публикации 1992 года в «Московском журнале». Вот за эту «школу» я журналу и благодарен.

Кирилл Жижкевич. Вы — известнейший краевед. «Московский журнал» — историко-краеведческое издание. Между тем замечаются признаки пренебрежительного отношения к региональному краеведению со стороны представителей академической исторической науки...

Владимир Козлов. Я бы не говорил о пренебрежении. Дело в том, что краеведение у историков (не краеведов) часто вызывает зависть. Ведь региональное краеведение — это народная история, которая пишется местным населением. Данный процесс не подвержен конъюнктуре. А «большая» история, наоборот, по необходимости официозна. Вот провозгласили в Кремле очередной юбилей какого-либо исторического события — и все историки бросаются обслуживать юбилейную дату, оставив текущие дела. К тому же «большая» история представлена очень узким кругом людей. Они не в силах объять необъятное — бесчисленное количество историй отдельных городов и сел, улиц, домов, семей... Эти микроистории пишутся простыми людьми, пишутся не за плату, а на чистом энтузиазме. Мы их называем краеведами. Слово «любитель» сюда категорически не подходит — уровень сегодняшнего краеведения достаточно высок. Кстати, такие крупные историки, как Сигурд Оттович Шмидт и создательница Общества изучения русской усадьбы Людмила Васильевна Иванова, всегда считали себя и краеведами в том числе. Историческая наука в нашей стране в течение многих лет подвергалась фальсификации. Поэтому краеведы, писавшие в 1930–1940-х годах, на фоне официальных представителей исторической науки того времени выглядят более чем достойно. В связи со сказанным мне как председателю Союза краеведов России отрадно, что «Московский

журнал» уделяет достаточно внимания именно региональному краеведению. Вот у вас широко представлены Русский Север, Сибирь... И особенно мне нравится, что в журнале публикуются «семейные» истории — мемуарные свидетельства простых людей, их воспоминания о своих дедах и прадедах, написанные для потомков. Важно то, что журнал не просто печатает эти материалы, но и помогает авторам в подобных начинаниях. Или такой момент. В 1990-х годах была предана забвению грандиозная история отечественного промышленного и сельскохозяйственного производства — как дореволюционного, так и советского. Все занимались «модной» тогда историей храмов, усадеб, дворцов... «Московский журнал» оказался едва ли не единственным изданием, продолжавшим отражать эту тему на своих страницах (рубрики «Из истории отечественного предпринимательства», «Из истории хозяйствования», «Из истории технической мысли в России», «Промышленники и предприниматели»).

Александр Белай. Вот буквально только что мы сделали приложение к журналу, посвященное прошлому и настоящему Московского нефтеперерабатывающего завода — уникального предприятия, имеющего огромное стратегическое (в том числе оборонное) значение для Москвы и всей России.

Владимир Козлов. Недавно я объехал ряд московских библиотек Северного административного округа и центра столицы. И на самых видных местах на стендах — ваш журнал. По свидетельству сотрудников, «Московский журнал» — одно из самых читаемых изданий в библиотеках города. Одна из причин — широта тематики. Вы, в частности, не отдаете предпочтения лишь отдельным категориям — военным, артистам, аристократии, что, к сожалению, имеет место в других изданиях. И еще я хотел бы пару слов сказать на крымскую тему, в последние годы для нашей страны очень актуальную...

Анна Грушина. Да, в 1996–1997 годах, когда о Крыме в России, похоже, окончательно забыли, мы поехали туда и сделали номер, посвященный именно русскому Крыму...

Владимир Козлов. Тот номер знаком всем крымчанам. Действительно, он вышел в эпоху «крымского забвения». Сейчас-то словосочетание «Крым наш» стало крылатым, но тогда вы были первыми, кто во всеуслышание провозгласил «русскость» Крыма.

Анна Грушина. И люди об этом помнят. В 2014 году мы выпустили второй «крымский» номер, посвященный уже «Крыму освобожденному». Так вот, когда я представляла его у вас в РГГУ, один из слушателей сказал: «Анна Филипповна, с Крымом мы, слава Богу, разобрались, не пора ли Вам заняться Аляской?»

Александр Луняков. Прежде чем стать автором «Московского журнала», я долгое время являлся его преданным читателем. Вообще-то по образованию я не историк, а строитель и архитектор, но публикуюсь в широкой печати начиная с 1962 года. Мои статьи были посвящены объектам, которые доводилось строить. Со временем захватило краеведение, появился интерес к родной истории. В 2000 году я принес в редакцию «Московского журнала» статью на тему Отечественной войны 1812 года. Статью напечатали, и я, воодушевленный, стал писать еще — и о той войне, и о хорошо известных мне в силу

*Александр Пантелеевич
Луняков —
краевед, публицист,
популяризатор
культурно-исторических
знаний*

жизненных обстоятельств исторических усадьбах. Все это укладывалось в тематику журнала; с другой стороны, мне было что предложить журналу нового, раздобытого в архивах и исследовательских поездках, касательно указанных тем. Так постепенно складывалось сотрудничество. С удовлетворением отмечаю, что мои публикации находили отклик: на них ссылались, их перепечатывали, меня приглашали на различные мероприятия, связанные с описанными мной историческими событиями и фактами. Это свидетельствует о том, что «Московский журнал» читают, к его голосу прислушиваются, его материалы вызывают общественный резонанс.

Однако порой случаются и достаточно неожиданные реакции. Так, после появления моей статьи о Клястицком сражении 1812 года (по значению, как я утверждаю, сравнимом с Бородинским, поскольку у деревни Клястицы, что в Белоруссии, было остановлено продвижение наполеоновских войск к Санкт-Петербургу) я получил массу благоприятных отзывов от белорусских историков и краеведов. «Московский журнал» предложил мне написать на основе этих отзывов (и при содействии отозвавшихся) статью о мемориале в честь героев сражения, о работе полоцких энтузиастов по исследованию места битвы. Но тут, к большому удивлению и сожалению, выяснилось, что среди белорусских специалистов немало таких, которые обсуждать подобные вопросы готовы лишь в частных беседах и переписке, а выступать публично с «пророссийской» версией события отказываются. Дескать, Отечественная война 1812 года была «не их» войной; конечно, белорусов брали в русскую армию, но они воевали и на стороне Наполеона; говорить надо о борцах за независимость Белоруссии и их чтить, а «пророссийские» памятники — не наше дело... Такая вот грустная картина.

Александр Белай. Да, в Белоруссии есть «майданные» настроения...

Анна Грушина. Есть. Мы в свое время «прошляпили» Крым, Украину. «Московский журнал» в числе немногих российских изданий писал о том, что творилось на Украине, что «украинский глобус» посягнул уже и на сопредельные территории... Никто не внял. Будем надеяться, что теперь, имея перед глазами горький опыт Украины, в Белоруссии подобного не допустят.

Александр Луняков. Присоединяюсь к этой надежде и в данной связи, заключая свое выступление, хочу сказать следующее. Сегодня, отмечая 25-летие «Московского журнала», мы в первую очередь должны говорить о его стойком противодействии бесконечным попыткам искажения отечественной истории, разрушения традиционных моральных устоев и культурных ценностей. Огромная благодарность Анне Филипповне Грушиной и возглавляемому ею коллективу за то, что в тяжелейшей социально-политической, экономической и культурной ситуации, сложившейся в эпоху, на которую пришлось возрождение и деятельность «Московского журнала», они смогли сохранить его как один из оплотов противостояния грозящему разразиться коллапсу. Дай вам Бог и в дальнейшем сил и мужества в вашем благородном деле. Нашу же сегодняшнюю беседу воспринимаю как праздник души. Ибо здесь собрались люди, одинаково мыслящие и чувствующие, одинаково болеющие за судьбы страны, одинаково

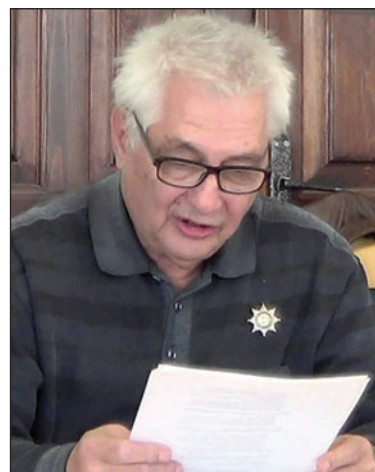
любящие ее историю. Прав Федор Иванович Тютчев: «История любопытна, но для тех, кто достоин иметь Отечество».

Георгий Ляпишев. Позвольте и мне в нескольких словах поведать о своем пути в «Московский журнал», о тематике опубликованных мною материалов. Я, как и Александр Пантелеевич, не профессиональный историк. Окончил МВТУ, историей заниматься не собирался до того момента, как умер мой отец. Разбирая отцовские бумаги, я обнаружил формулярный список унтер-офицера лейб-гвардии Егерского полка Василия Ивановича Ляпишева. Стал выяснять. Оказалось, это мой прадед. Он прошел войны 1807 и 1812–1814 годов. Я взял в библиотеке книгу «История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет» и выписал имена 122 офицеров, служивших в одно время с моим прадедом. Дальше отправился в Союз потомков участников Бородинской битвы историко-патриотического объединения «Багратион». 20 лет посещал мероприятия Союза, слушал выступающих, пока наконец не осознал: мне ведь тоже есть что сообщить! И приступил к собственным историческим изысканиям. Участвовал в различных конференциях. Появилась мечта объединить под общей обложкой мемуары ветеранов войны 1812 года. На одной из конференций, посвященной писателю Ф.И. Корбелецкому (1775–1837), я заинтересовал своей идеей издателя В.Е. Волкова. В результате в 2013 году появилась книга «Российские мемуары эпохи наполеоновских войн».

А несколько ранее я пришел в «Московский журнал» со статьей «Москва 1812 года на рисунках Х.В. Фабера дю Фора». Этот человек был участником кампании 1812 года в составе 25-й Вюртембергской дивизии, делал в России зарисовки различных событий и достопримечательностей, которые впервые были опубликованы в 1816 году, а в 1827–1831 годах он свои наброски раскрасил и обработал, после чего они пошли в продажу. К ним относились как к достоверным свидетельствам. Однако после просмотра изданного в 2001 году в Лондоне альбома «С Наполеоном в Россию. Иллюстрированные мемуары Фабера дю Фора» относительно достоверности этих изображений у меня появились сомнения. Я углубился в тему и выяснил, что при редакции рисунков, выполненной через 20 лет после наполеоновского похода, были допущены неточности, порой доходящие до курьезов. Например, рисунок Новоспасского монастыря. Оказывается, он «сконструирован» из двух набросков — монастыря и Воспитательного дома. Художник соединил их, и в результате Воспитательный дом «перенесся» на противоположный берег Москвы-реки. Обо всем этом и шла речь в статье.

Следующая моя работа, напечатанная в «Московском журнале», была о морском путешествии русского гвардейского корпуса после взятия Парижа в 1814 году. Оказывается, наших воинов доставили на родину не по суше, а на кораблях Балтийского флота. Событие это слабо отражено в мемуаристике, единой его картины не существовало. И я решил провести дополнительные разыскания.

Далее занялся темой Кульмского сражения (29–30 августа 1813 года), которая в нашей литературе освещена довольно скудно.

*Георгий Владимирович
Ляпишев —
исследователь русской
мемуаристики XIX века
и ряда малоизученных эпизодов
эпохи наполеоновских войн*

*Виктор Петрович
Пензин —
художник-график,
историк искусства,
основоположник жанра
современного лубка,
создатель и первый директор
Музея народной графики
в Москве,
президент Академии
народного искусства России*

Последняя моя статья появилась в «Московском журнале» в 2014 году. Всякий раз меня принимали здесь очень заинтересованно и, если можно так выразиться, квалифицированно, за что я всегда был и остаюсь редакции благодарен, всецело присоединяясь к теплым словам, прозвучавшим в ее адрес.

Анна Грушина. Спасибо. А теперь дадим слово Виктору Петровичу Пензину, который выступал у нас с замечательными статьями о русском лубке.

Виктор Пензин. Когда я в далеком 1958 году начинал заниматься русским лубком, о нем никто и понятия не имел. Я создал в Москве и 25 лет пестовал — как и Вы, Анна Филипповна, свой журнал — Музей народной графики. И вот после того, как музей был мною выведен — скажу без ложной скромности — на мировой уровень, его недавно сделали частью Музея наивного искусства, объединив необъединимое! Я не против наивного искусства — это искусство любителей, искусство самодеятельное. Оно имеет право быть. Но лубок — дело другое, это народное искусство. Петр I учился на лубках. Народное искусство — фундамент любого другого. Почему мы непобедимы? Потому что опираемся на надежный фундамент... Нет, объединили. Куда я только не писал! И президенту, и в ООН. Ответ один: мы не уничтожаем музей, а всего лишь делаем его подразделением более обширной «родственной» структуры. Но что же это еще, как не уничтожение? А через год со мной просто не продлили договор и уволили.

Однако я решил: пока живой — буду драться! И учредил Академию народного искусства России. Вот где поле непаханое! Начал создавать Союзы народного искусства в Санкт-Петербурге, Ярославле, Суздале... Там я произвожу больших мастеров в академики, а они сплачивают вокруг себя других людей. На очереди у меня московское отделение. Сейчас ищу помещение... Академия уже насчитывает около 400 человек — большая сила. Только что Египет и Палестина выразили желание создать у себя отделения. В моей Академии состоит даже один мексиканский художник. И главное, все это делается исключительно на энтузиазме, из любви к народной культуре...

Анна Грушина. Один в поле — воин.

Виктор Пензин. Да. Но одиночки должны в конце концов объединяться. Мы с вами делаем, в сущности, общее дело: каждый на своем поле бьется за сохранение и развитие отечественных историко-культурных традиций. Предлагаю вот что: дайте мне место на страницах вашего журнала, и я стану информировать читателей о текущих процессах в сфере народного искусства. Поверьте, это будет абсолютно эксклюзивная и чрезвычайно актуальная информация, способная многим открыть глаза на глубинные процессы, происходящие сегодня в русском национальном самосознании.

Анна Грушина. Принято.

Владимир Воропаев. Область моих научных интересов — русская литература, и в первую очередь Николай Васильевич Гоголь. Сделал о нем около тысячи публикаций. С моим учеником Игорем Ивановичем Виноградовым издал полное собрание сочинений Гоголя в 17 томах, где впервые исчерпывающе представлена гоголевская переписка (6 томов).

Что касается «Московского журнала», то я с середины 1990-х годов являюсь постоянным его автором: статьи о Тютчеве, Пушкине, но, конечно, главным образом о Гоголе. На моих глазах журнал развивался и превратился в то, чем он является сейчас. Блестящее издание. Конечно, оно оставит заметный след в российской журналистике. Здесь удивительно сочетаются качество материалов (достигаемое не в последнюю очередь благодаря искусной редактуре) и отменная полиграфия. Все мои лучшие публикации увидели свет в «Московском журнале». Замечательно, что благодаря солидному тиражу и популярности издания мои материалы, что называется, уходят в массы. Журнал читают, им интересуются. По поводу опубликованного мне звонят из Киева, Симферополя, других городов. Наконец, журнал просто приятно держать в руках...

Хочется указать еще на одну важную особенность издания, отмечаемую многими: пронизанность всего, что в нем делается, православной духовностью. Речь не идет о навязчивой акцентированной проповеди, в данном случае, конечно, оказавшейся бы неуместной, — журнал не проповедует, но искренне и, я бы сказал, целомудренно, сокровенно исповедует христианские идеалы, и в этом смысле он является очень русским, народным, глубоко укорененным в национальной традиции.

У меня и сейчас есть несколько ориентированных на «Московский журнал» замыслов. Я собираюсь, например, написать об Иване Михайловиче Снегиреве (1793–1868) — фольклористе, этнографе, первом исследователе русского лубка, хорошем знакомом Гоголя. Я вам даже больше скажу: тайна «Мертвых душ» заключена в издании Снегирева «Русские в своих пословицах». Характеры всех героев Гоголя взяты из этой книги.

Также я занялся сейчас темой Афона. На Афоне впервые издали Молитву Гоголя к Пресвятой Богородице. Я установил, что это было самое популярное произведение, созданное Гоголем. Колоссальное количество списков в славянских странах. О чем это говорит? О том, что Гоголь глубоко впитал народную культуру. Недаром Михаил Михайлович Бахтин назвал его гениальным выразителем народного сознания.

Есть у меня и другая линия исследований. Я недавно обнаружил наконец могилу схимонаха Феодота (Кольцова) — оптинского старца, почти никому не известного. Это именно ему Гоголь написал в Оптину пустынь, именуя, однако, адресата «отцом Филаретом». Никто не знал, кто такой отец Филарет. Почему была невозможна атрибуция? Потому что Филарет схиму принял с именем Феодот... Это открытие также достойно страниц «Московского журнала», который я от всей души поздравляю с 25-летним юбилеем.

Анна Грушина. Спасибо за добрые слова и пожелания в адрес журнала. Спасибо за вашу неустанную и плодотворную работу на благо Москвы и России. Станем же — сейчас я обращаюсь не только к присутствующим здесь, но и ко всем нашим авторам, в том числе и будущим, нам пока не известным, — станем же и дальше работать вместе, помня звучащее сегодня как напутствие пушкинское изречение: «Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал».

*Владимир Алексеевич
Воропаев —
доктор филологических наук,
профессор,
член Союза писателей России,
председатель
Гоголевской комиссии
при Научном совете РАН
«История мировой культуры»*

Кирилл Валерьевич Жижкевич

«В таких особняках мы будем селить иностранные посольства...»

**О городской усадьбе Сергея Павловича Берга
в Денежном переулке**

С 1924 года в особняке Берга размещается посольство Италии

Землей в Денежном переулке, где в 1897 году архитектор Петр Семенович (Самойлович?) Бойцов (1849–1918) возвел особняк, в разное время владели многие именитые москвичи. В их числе писатель Михаил Николаевич Загоскин (1789–1852), потративший на покупку участка гоно-

рар за свой роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»¹. В распоряжении хозяев тогда имелся не каменный, а деревянный дом с флигелями, внешний вид которого постепенно изменялся, пока очередным его собственником не стал крупный промышленник Сергей Пав-

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

лович Берг. Случилось это в 1893 году. С.П. Берг велел снести прежнее здание, а проектирование нового доверил опытному архитектору П.С. Бойцову. Не раз посещавший Италию и, очевидно, любивший ее искусство, Сергей Павлович поставил условие, чтобы будущий особняк напоминал палаццо. Зодчий, уже имевший в прошлом опыт воплощения подобных замыслов (например, «замковые» усадьбы Подушкино баронессы Мейендорф и Муромцево В.С. Храповицкого), вполне оправдал ожидания заказчика. Архитектура московской резиденции Берга вобрала в себя черты неоготики, неоклассицизма, необарокко, модерна. Специалисты относят шедевр П.С. Бойцова к эклектике. «Довольно высокий цоколь, опоясывающий здание по периметру, прерывают квадратные проемы, откуда свет поступает в полуподвальные помещения. Монументальные колонны, сложенные из отдельных блоков, выделяют широкие прямоугольные окна первого этажа. От капителей отходят линии, образующие небольшие глухие надоконные арки. На втором этаже окна меньше по размеру, но больше числом. Они стоят на линии фриза, покоящегося, в свою очередь, на арках первого этажа. Колонны между окнами

Вход в особняк

Вестибюль

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

Деталь бра в холле

Холл

гладкие, капители претворяют нижний рисунок. Единственное отличие в том, что окна здесь уже не прямоугольные, а сводчатые. Центральная часть особняка существенно выделяется на общем фоне и подчеркивает вход. На втором этаже над огромным окном, подпираемым двумя ионическими колоннами, возвышается небольшая глухая арка, замыкающая пространство между колоннами и служащая основанием треугольного греческого тимпана (тимпан — внутреннее пространство фриза. — *К. Ж.*). На первом этаже вход выдается на улицу, повторяя с незначительными отклонениями линии верхнего этажа. Здесь колонны больше и выделяют ширину входной двери. Слегка вогнутые арки занимают внутреннее пространство между колоннами, над ионическими капителями которых высится тимпан, по стилю — небарочный². К заднему фасаду примыкал Бальный зал (в дальнейшем переоборудован под столовую). Свет в него прони-

кал через полукруглую веранду, сегодня имеющую остекленные крышу и стены. Обширный полуподвал использовался для хозяйственных нужд. Позади усадьбы был домик садовника, а также спроектированные архитектором Алексеем Викторовичем Флодиным (1858—?) конюшня и оранжерея. А.В. Флодин вместе с коллегами Владимиром Дмитриевичем Адамовичем (1872—1941) и Капитолием Абрамовичем Дулиным (1876—1933) работал над интерьером особняка, где деревянные резные панели, оконные проемы, увенчанные остроконечными арками, гобелены с сюжетами на рыцарскую тему навевали атмосферу эпохи Средневековья. Однако местами некоторая мрачность готики сменялась изысканностью рококо (интерьер Красной гостиной выполнен в этом стиле), а Бальный зал уже и вовсе был декорирован в духе французской Второй империи (фресковое панно на потолке, наборный паркет, позолоченная лепнина).

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

Бра в Бальном зале

Деталь люстры с драконами

*Фрагмент
потолка*

Бальный зал

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

Голубая гостиная

*Французские часы
в Голубой гостиной*

* * *

Часто в Интернете и печатной литературе со ссылкой на книгу В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» упоминается бал, данный в особняке С.П. Берга. Приглашенные дамы, рассчитывавшие, что «газовые рожки и лампы» в зале оттенят макияж и подчеркнут блеск драгоценностей, после того как был включен электрический свет, обнаружили себя «скверно раскрашенными куклами». Однако Гиляровский датирует этот случай примерно второй половиной 1880-х годов, когда усадьба Берга еще не существовала. Так или иначе, Берг позаботился о том, чтобы оснастить свой дом электрическим освещением и звонком на входной двери. Имелись и другие новинки — «например, в спальне — замаскированная под зеркало дверь, которая открывалась с помощью <...> кнопки (для того времени удивительная вещь!)»³.

Берги жили в Денежном переулке до 1917 года. Большой капитал прочно ограждал их от потрясений Первой мировой войны, в частности от неприятностей, связанных с возобладавшими тогда в России антигерманскими настроениями. Считалось, что после Октябрьской революции семейство эмигрировало в Швейцарию⁴. Но эту версию

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

опровергает правнучка Сергея Павловича Татьяна Лющанова. По ее сообщению, дети четы Бергов «Павел и Сергей были в составе спецотряда, сформированного для освобождения царской семьи в Екатеринбурге. Они погибли по дороге в Екатеринбург. <...> Василий умер от болезней вскоре после освобождения из сталинских лагерей. Сыновья Константин и Дмитрий, дочь Ольга умерли от туберкулеза в конце 30-х годов. <...> Николай был талантливым инженером. В 30-е годы он стал директором завода, но вскоре его арестовали и отправили в лагерь на 10 лет. <...> Скончался в начале 80-х годов прошлого века. <...> Владимир Сергеевич Берг воевал в Белой армии и после ее поражения оказался в Турции»⁵. Что касается самого Сергея Павловича и его жены Ольги Леопольдовны, то об их судьбе мало что известно, но, опять же, по утверждению Татьяны Лющановой, оба они умерли в начале Гражданской войны в полной нищете.

Оставленный Бергами дом заняла Комиссия по выборам делегатов Учредительного собрания. Говорят, В.И. Ленин, посетив усадьбу, заявил: «В таких особняках мы будем селить иностранные посольства»⁶. И вправду: после заключения Брест-Литовского мирного договора (3 марта 1918 года)

Потолок Красного зала

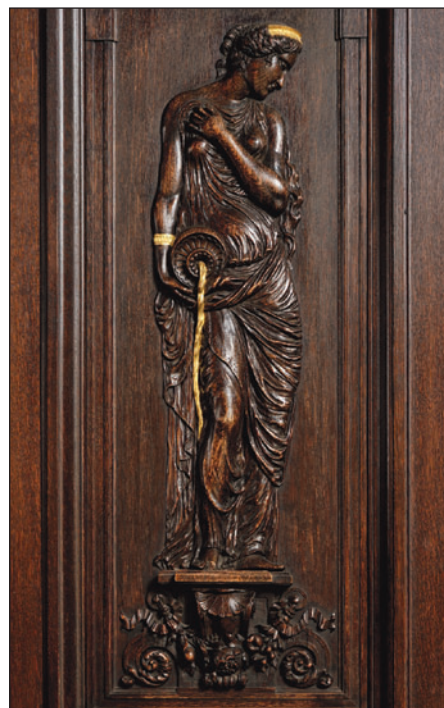

Красный зал

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

Дверь Обеденного зала

*Венецианская люстра
и стол из дворца Демидовых
в Обеденном зале*

Малый обеденный зал

Малая гостиная в апартаментах министра

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

сюда въездало посольство Германии. Вскоре (6 июля) эсерами Я.Г. Блюмкиным и Н.А. Андреевым был убит немецкий посланник Вильгельм фон Мирбах⁷. Его ненадолго сменил Карл Гельферих, после чего кайзеровская миссия покинула Москву. В освобожденном здании начал заседать исполком III Интернационала. В залах, где некогда устраивались светские приемы, работали Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, К.Б. Радек, бывали В.И. Ленин, Н.К. Крупская. Исполком принимал делегации социалистов Франции, Британии, Италии. 17 февраля 1924 года в Москву прибыл итальянский посол граф Гаэтано Мандзони. Напоминающий палаццо особняк С.П. Берга пришелся ему по вкусу. «1 марта Мандзони подписал договор найма на первые три года на общую сумму 32 тысячи золотых рублей» и спустя две недели «официально вступил в права пользования»⁸.

Итальянские дипломаты занимали бывшую усадьбу до 1939 года. Здесь находили приют многие итальянцы, оставившие отечество по политическим соображениям. Не прижившиеся в СССР пытались выехать обратно. Ожидая оформления соответствующих документов, они коротали время в обустроенном помещении над посольским гаражом. Этот «итальянский остров»

Люстра в кабинете посла

Кабинет посла

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

Кованые украшения (слева) и дверная ручка в Главной спальне

Главная спальня

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

Гульельмо Чарди. Вид на венецианскую лагуну

Руины с конной статуей. XVIII век

Пастораль. XVIII век

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

*Святитель
Иоанн Златоуст*

*Франческо
Бенедетто
Кастильоне.
Святой Иоанн
и агнец*

*Якопо
даль Понте
(Якопо
да Бассано).
Рыбный рынок*

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

в Москве посещали советские политические деятели Л.М. Карахан, Н.Н. Крестинский, Х.Г. Раковский, Ф.А. Ротштейн. Гаэтано Мандзони дружил с В.Э. Мейерхольдом, которого звал в путешествие по Италии. Режиссер, в свою очередь, пригласил итальянского посла с супругой Сильвией на генеральную репетицию спектакля «Мандат» (по пьесе Н.Р. Эрдмана), которую чета смотрела в компании послов Франции, Литвы, Австрии. Премьеру труппа отметила в особняке С.П. Берга, где за ужином горячо спорили об искусстве — ушедшей эпохе символизма, футуризме Маринетти. Страстный меломан Г.В. Чичерин навещал в посольский дом отнюдь не только с официальными визитами, но и ради концертов камерной музыки.

С началом войны дипломатические отношения между СССР и Италией прервались. Посольство возвратилось в Рим. Берговский

Портрет дамы

Портрет дамы с книгой

Портрет дамы

Гаэтано Кузати. Натюрморт с цветами

Гаэтано Марториелло. Озерный пейзаж

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

Обнаженная с ветвью виноградной лозы

*Ричард Джинори. Диана-охотница.
Фрагмент*

Спящий Купидон. XVII век

особняк передали в ведение японского дипломата Татекавы. В 1944 году советско-итальянские дипломатические связи возобновились. До своего окончательного размещения в особняке итальянские представители базировались в гостинице «Националь». Миссия смогла вернуться на прежнее место пребывания — в дом по улице Веснина (название Денежного переулка в 1933–1994 годах) — лишь спустя пять лет. Там итальянское посольство располагается и поныне.

*Деревянное украшение
в апартаментах министра*

* * *

В завершение нашего краткого рассказа предлагаем читателю взглянуть на особняк С.П. Берга как на музей, собрание которого содержит множество выдающихся произведений искусства, в частности живописи. Например, в вестибюле представлены две работы неаполитанского художника Гаэтано Марториэлло (1673–1723) под названием «Озерный пейзаж». В неаполитанской живописной традиции выполнены также датируемые XVIII веком полотна «Руины с конной

статуей» и «Пастораль», украшающие частные апартаменты главы миссии. В Большой гостиной находится картина XVII века «Пейзаж с руинами и скалистыми холмами». Экспозиция продолжается тремя натюрмортами в Красной гостиной, приписываемыми Гаэтано Кузати (? – 1720) — ученику Джованни Баттисты Руопполо и Абрахама Брейгеля. В смежной Голубой гостиной имеется картина неизвестного художника «Святой Иоанн и агнец». По поводу ее авторства существует ряд интересных версий, требующих, однако, дальнейшей проверки. То же касается и присланного в особняк Берга из итальянской миссии в Санкт-Петербурге полотна «Обнаженная с ветвью виноградной лозы», напоминающего по исполнению стиль А.А. Иванова, в бытность свою в Риме копировавшего «Сотворение человека» Микеланджело. Два портрета — возможно, кисти К.П. Брюллова — висят на стенах Обеденного зала. Обратная сторона одного из портретов имеет надпись «Муромцево... Елиз. Храповицкая», которая указывает на прошлого владельца — Елизавету Ивановну Храповицкую, супругу хозяина уже упоминавшейся выше «замковой» усадьбы Муромцево В.С. Храповицкого. Представляет также большой интерес размещенное в столовой полотно «Рыбный рынок». Предположительно, его создатель — Якопо даль Понте (1510–1592), по прозвищу Бассано, художник, равный Тициану, Веронезе, Тинторетто. Он часто писал на библейские мотивы, но в данной картине обратился к бытовому сюжету. «Предзакатные сумерки, приглушенные тона, усиливающие описательный эффект света, письмо отдельными короткими мазками — вот художественные и технические приемы, характерные для Якопо»⁹.

Текст проиллюстрирован фотографиями М. Алексева и Ю. Пальмина из книги «Посольство Италии в Москве: Особняк Берга» (2012. Аллеманди и посольство Италии в Москве) и журнала «Московское наследие» (2015. №1).

¹Сергиевская И.Г. Москва, которую вы никогда не увидите. М., 2010. С. 161.

²Посольство Италии в Москве: Особняк Берга. Сборник статей. Аллеманди и посольство Италии в Москве. Напечатано в августе 2012 г. в типографии Издательского дома Умберто Аллеманди. С. 24–25.

³Лющанова Т. Итальянский остров // Московское наследие. 2015. № 1. С. 56.

⁴Посольство Италии в Москве... С. 42.

⁵Лющанова Т. Указ. соч. С. 58.

⁶Посольство Италии в Москве... С. 43.

⁷Там же. С. 45.

⁸Там же. С. 64.

⁹Там же. С. 141.

Тамара Васильевна Вересова

«Любуемся Псковом...»

О возрождении древней псковской Пантелеимоновской обители

*Царская колокольня Пантелеимона Дальнего.
Фотография автора. 2007 год*

«Любуемся Псковом. Какой большой город! Точно Париж! Помоги нам, Боже, с ним справиться!» Эти слова принадлежат Станиславу Пиотровскому¹, секретарю Стефана Батория, вознамерившегося в августе 1581 года покорить Псков. Другой участник штурма писал: «Вид этой местности со всех сторон очень красив: с одной стороны сливаются две реки, инде² расстилаются широкие поля, инде поднимаются невысокие холмы, покрытые можжевельником; <...>

с другой стороны виднеется ряд монастырей, которые все, числом более 40, рассеяны по соседству и превосходно выстроены из камня³. Речь идет об одном и том же месте, с которого поляки любовались Псковом, — «великих и высоких горах» у деревни Промежицы в окрестностях монастыря Пантелеимона Дальнего «с Бору», в котором расположилась ставка Батория.

Пантелеимоновский монастырь, датируемый XIII — началом XIV столетия, на-

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

ходил у слияния рек Черёха и Великая, на одной из главных дорог к Пскову с юга, где в XIV–XV веках псковичи встречали и провожали именитых гостей. Назывался он Дальним, поскольку стоял в пяти верстах от Пскова, а в черте города, на Красном дворе, существовал другой монастырь в честь этого святого. К сожалению, историография обители скудна; не сохранилось и ранних изображений монастыря. Позже он был запечатлен на иконе из часовни Владычного Креста (XVIII век), зарисован археологом Николаем Мартыновым (середина XIX века) и зафиксирован фотографами Отто Парли и Михаилом Герасимовым (начало XX века).

О Пантелеимоне Дальнем в советский период раньше других исследователей писала Е.Н. Морозкина в книге «Псковская земля» (М., 1975) и диссертации «Зодчество Пскова как наследие» (1968), на основе которой в 2007 году я подготовила к печати двухтомный подарочный альбом «Церковное зодчество древнего Пскова». Однако в работах Елены Николаевны встречаются разночтения относительно ряда датировок. В наше время наиболее полную историю обители по крупицам собрал старший научный сотрудник древлехранилища Псковского музея-заповедника А.Б. Постников⁴. На труд Арсения Борисовича я и буду в дальнейшем опираться.

Итак, один из древнейших на Псковской земле монастырей упоминается в летописях с XIII столетия, а вот о времени строительства первого храма во имя великомученика Пантелеимона исторические источники нам ничего не сообщают. После 1581 года, сильно пострадав от Стефана Батория, монастырь, однако, продолжал владеть крупными вотчинами и рыболовецкими угодьями. Кроме того, безбедно существовать и возводить новые постройки ему помогали значительные пожертвования псковичей. Но монашеская жизнь после баториева разорения постепенно приходила в упадок, и в 1589 году Пантелеимон Дальний оказался приписанным к епархиальному Архиерейскому дому, сделавшись загородной резиденцией псковских иерархов. Большинство исследователей считает, что новый каменный храм вместо обветшавшего старого поставлен в конце XVII века при митрополите Псковском и Изборском Иларионе. В XVIII столетии обитель то возрождалась на короткое время, то вновь оскудевала. Снова стала действующей она

*Пантелеимоновский монастырь.
Открытка начала XX века*

*Псков. Вход в Пантелеимоновскую церковь.
Фотография М. Герасимова. 1914 год*

*Царская колокольня и школа псаломщиков.
Фотография конца 1940-х годов*

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

*Главная тропа
к Пантелеимону
Дальному.
Фотография
Е.М. Зинкевича*

с начала 1730-х годов. Перестройка храма великомученика Пантелеимона произошла во второй половине XVIII века — тогда был надстроен второй этаж с архиерейскими кельями. В 1764 году все церковные владения перешли в государственную собственность, и Пантелеимон Дальний как монастырь перестал существовать; службы в храме проходили только по престольным праздникам, из насельников здесь оставался лишь «сторож», надзиравший за сохранностью Архиерейского дома.

На протяжении XVIII века Псковский кремль дважды горел. В 1771 году огонь повредил кровлю Троицкого собора, житницу Архиерейского дома, его конюшни, службы, кузницы, сараи; в 1788-м «занялся Троицкой колокольни шпиль, <...> загорелись и келии архиерейские, Благовещенская церковь, под ней другая, Ольгинская, и переходы, нижняя сторона кровли Троицкого собора и [придела] благоверного князя Гавриила кровля». На время ремонта архиепископ Иннокентий (Нечаев) переехал в загородный Архиерейский дом Пантелеимоновской обители. Однако позже псковские владыки обосновались в упраздненном Снетогорском монастыре, загородный же Архиерейский дом в Промежицах, некогда богатый — с многочисленными постройками, садом, оранжереями и прудами — был окончательно забыт. В течение XIX века постепенно обветшал и храм. Лишь в 1905 году здесь открылась школа псаломщиков, одноэтажное здание которой уцелело до наших дней, а в 1906–1907 годах в память о посещении царской семьей Пскова (1903) построена шатровая колокольня.

Царскую колокольню возводили иждивением псковских купцов Георга Францевича Викенгейзера, Льва Марковича Давидсона, Абрама Ильича Ильяшева, Василия Федоровича Проникова, Василия Трофимовича Долговского и Якова Степановича Романовского (первые четверо пожертвовали кирпич для строительства, двое последних — позолоченный крест с шаром).

*Царская колокольня. Фотография 2016 года.
Из архива храма Святого благоверного князя
Александра Невского*

*Школа псаломщиков.
Фотография автора. 2007 год*

*Фрагмент декора
школы псаломщиков.
Фотография Е.М. Зинкевича*

В 1920-х годах храм и школу закрыли; в 1930-х большинство строений передали кирпичному заводу. Во время Великой Отечественной войны монастырь заняли немцы. При освобождении Пскова в июле 1944 года храм, стоявший на немецкой линии обороны «Пантера», был взорван. Уцелели колокольня и здание школы, в котором до совсем недавнего времени размещались коммунальные квартиры.

*Протоиерей Олег Тэор с участниками Чтений
у святого источника на берегу Черёхи.
Фотография 2016 года*

* * *

С начала 1990-х годов «культурные здания, строения и иное имущество религиозного назначения, находящиеся в федеральной собственности, для использования в религиозных, учебных, благотворитель-

ных и других уставных целях, связанных с деятельностью конфессий», стали поэтапно передаваться в собственность или пользование религиозным организациям. В 2009 году митрополит Псковский и Великолукский Евсевий благословил протоиерея Олега Тэора⁵, настоятеля воинского храма Святого благоверного князя Александра Невского, восстановить приход на территории монастыря Пантелеимона Дальнего. Благоустраивать место — расчищать подходы к сохранившимся строениям и к древнему источнику, в котором в Крещенский сочельник теперь совершается Великое освящение воды, — а также заготавливать дрова на зиму батюшке помогали прихожане и волонтеры. 9 августа 2012 года в дар Пантелеимону Дальнему из Москвы доставили несколько икон, в том числе иконы великомученика Пантелеимона и Божией Матери «Скоропослушница». В 2013 году началась реставрация надвратной колокольни, в 2014-м для нее привезли пять небольших колоколов, изготовленных в Воронеже на средства благотворителей. 30 апреля колокола были освящены митрополитом Евсеем и установлены, спустя столетие вновь наполнив округу праздничным звоном. Тогда же храму Святого благоверного Александра Невского передали и здание бывшей школы псаломщиков для устройства в нем модельной комнаты.

1 июля 2016 года в деревне Самолва Гдовского района Псковской области, недалеко от места, где Александр Невский одержал историческую победу в Ледовом побоище, прошли Чудские чтения, на которые не преминул приехать и отец Олег.

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

Самолва. Фотографии на память о Чудских чтениях

*Руины Пантелеимоновского храма.
Фотография Е.М. Зинкевича*

*Крест на холме, под которым находится
церковь Пантелеимона Целителя.
Фотография Е.М. Зинкевича*

2 июля он пригласил нескольких участников Чтений, в том числе и меня, посетить древнюю Пантелеимоновскую обитель. Провел к родниковым ручейкам под сень могучих деревьев и попросил исполнителя работ рассказать нам, как эти пять ручейков соединятся в один, какие здесь будут купели и колодец. Прошли по территории, где планируется разбить сад, огород, оранжереи. Осмотрели устроенный отцом Олегом к Рождеству Христову вертеп. А напоследок батюшка предложил взойти на холм, под которым покоятся руины храма, чтобы отсюда осмотреть панораму Пскова. И мы вволю полюбовались городом, хотя ландшафтов, когда-то столь поразивших иноземных пришельцев, конечно же, не увидели: за почти четыре с половиной столетия многое утрачено, город подошел вплотную к Промежицам даже по берегу Великой.

Возрождение Пантелеимоновской обители вернет Псковской земле еще одну частицу ее культурно-исторического наследия. Это необходимо также и потому, что огромный Завокзальный район Пскова не имеет ни одного храма и местные жители вынуждены ездить на службы в Псков или в небольшую часовню воинской части, откуда ушла в бессмертие 6-я рота 76-й Псковской гвардейской дивизии ВДВ...

¹Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию Станислава Пиотровского. Псков, 1882.

²В другом месте (церковнославянск.).

³Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889.

⁴Постников А.Б. Монастырь Пантелеимона Дальнего «с Бору». Исторический очерк. Псков, 2015.

⁵Митрофорный протоиерей Олег Тэор — человек уникальной судьбы, пастырь, почитаемый многими как старец. Он — председатель епархиального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями — заслуживает, безусловно, отдельного рассказа; здесь же, в силу логики повествования, отец Олег лишь эпизодически упомянут.

Галина Андреевна Аляева

Писатель Александр Неверов (1886–1923)

К 130-летию со дня рождения

*Б. М. Кустодиев. Александр Неверов.
Рисунок. 1926 год*

Выражение «Ташкент — город хлебный» знают практически все и нередко связывают его с фильмом, снятым в 1968 году на киностудии «Узбекфильм». Об авторе же одноименной повести, по мотивам которой фильм был поставлен, сегодня вспоминают мало, хотя произведения Александра Сергеевича Неверова (настоящая фамилия — Скобелев) в 1920-х годах не сходили с журнальных страниц. Только за пять лет с момента появления книги «Ташкент — город

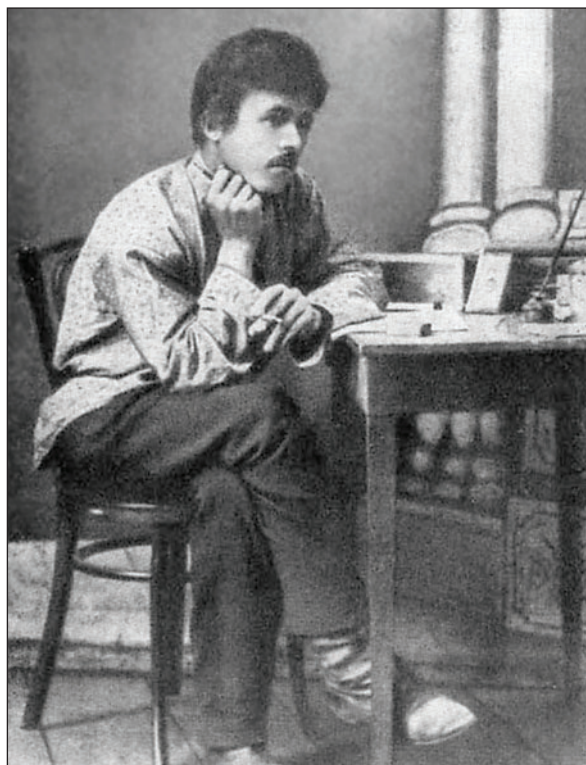
хлебный» (1923) она переиздавалась десять раз. В предисловии к десятому изданию советский военный и государственный деятель Ф. Ф. Раскольников (1892–1939) утверждал: «К сожалению, ранняя смерть Александра Неверова помешала развернуться во всю ширь его крупному беллетристическому дарованию. <...> Если бы Неверов не написал ничего, кроме этой повести, то и в таком случае он вошел бы в историю нашей пролетарской литературы».

*А.С. Неверов
(сидит третий справа)
среди выпускников
Озерской школы.
Фотография 1906 года.
Из книги: Чалмаев В.А.
Серафимович. Неверов.
М., 1982*

* * *

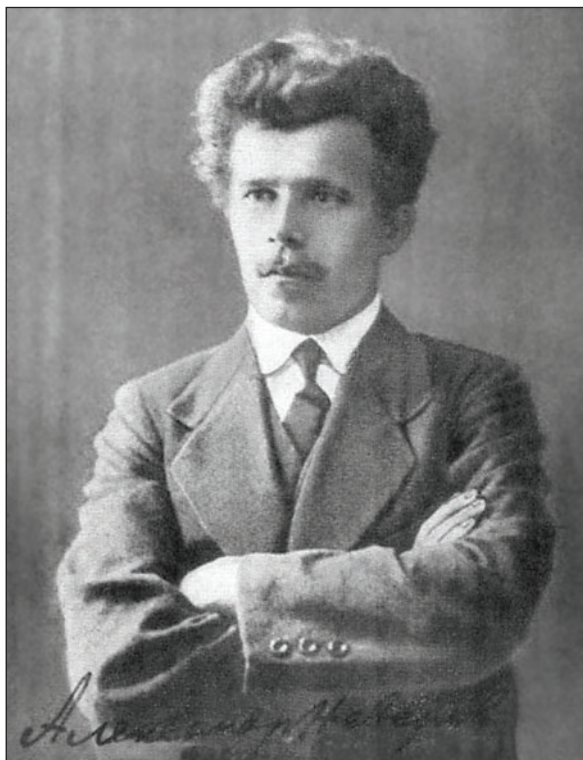
Родился А.С. Неверов в селе Новиковка Ставропольского уезда Самарской губернии. В автобиографии Александр Сергеевич позднее сообщал, что его отец «почему-то был приписан к мещанам г. Симбирска, но сидел на земле, занимался крестьянством. Мать — настоящая неграмотная крестьянка. <...> Грамоте я научился очень рано, лет шести, от старшего брата, который тогда ходил к дьячку. Способности к учению у меня оказались хорошие, и я чуть ли не обогнал брата чтением. А когда меня, видимо, по мо-

*А.С. Неверов — сельский учитель.
Фотография 1907 года*

ей просьбе, повели к тому же дьячку, имени которого сейчас не помню, я сказал там ему какую-то дерзость, вел себя непринужденно, за что был тут же посажен в темную комнату, напугался школы и еще не заглядывал туда больше года. <...> Три отделения церковной школы я кончил лучшим учеником и решил сделаться крестьянином, пахарем, ибо к тому времени бакалейные дела у деда пошли на убыль и он стал заниматься посевами. Крестьянская работа в поле казалась мне самой лучшей на свете, и я быстро научился пахать сохой, жать серпом, плести лапти. <...> Но продолжалось это увлечение недолго. <...> Лет с пятнадцати началось во мне какое-то брожение. Вдруг ни с того ни с сего совершенно пропала охота к крестьянству и захотелось сделаться половым (официантом). <...> В год смерти моей матери попал я в Самару к отцу (к тому времени бросившему крестьянствовать и работавшему в губернском городе швейцаром. — *Г. А.*), прошел мимо чайной, и сердце мое затосковало смертельно, но вместо чайной жена городского, Анна Андреевна Бурмистрова, отвела [меня] в губернскую типографию и там определила мальчиком».

Шестнадцати лет от роду Александр поступил в Озерскую двухклассную учительскую семинарию, после окончания которой работал в школе деревни Новый Письмирь. В 1912 году он женился на учительнице Пелагее Андреевне Зеленцовой. Потом супругов перевели в село Елань, где предоставили квартиру из пяти комнат. Пелагея Андреевна вспоминала: «От непривычки мы даже плутали в них первое время, но вскоре, конечно, освоились и были рады, что наконец-то выбрались из мрачных крестьянских хат».

*Александр Сергеевич Неверов.
Фотография 1910-х годов*

*А.С. Неверов (справа) с друзьями П. Яровым
и Т. Саровым. Фотография 1917 года*

Семья Неверовых

Александр Неверов с однополчанином

Страсть к литературному творчеству у Александра Сергеевича впервые проявилась «лет в двенадцать». Сначала сочинял стихи, затем перешел на прозу. В 1906 году в санкт-петербургском журнале «Вестник трезвости» вышел его первый рассказ «Горе залили». Публикация осталась незамеченной, но радость автора «нельзя было измерить ни ковшом, ни ведром, ни лопатой». Затем неверовские работы начали появлять-

ся уже в более известных литературных изданиях — «Жизнь для всех», «Современный мир», «Русское богатство». Последовал отклик Максима Горького: «Написали вы неровно. В начале — почти хорошо, а чем дальше, тем более скучно. Нет, попробуйте еще написать, вы можете сделать лучше. Времени нет, неудобная обстановка? Я понимаю это и не тороплю вас. Но я надеюсь — более того, я уверен, — что вы должны и будете

Иллюстрации В. Гальдяева из книги А.С. Неверова «Ташкент — город хлебный». М., 1980

Мишка Додонов

Мишка и Сергея

писать хорошо. Пока всего доброго! Вам денег не нужно ли? Книг? Сообщите».

Поддержка со стороны мэтра имела, по словам Неверова, «большое психологическое воздействие». Неверов продолжал писать, изображая нелегкие крестьянские будни. Один из персонажей его рассказа «Баба Иван» говорит: «Мы народ земляной. Шесть дней на земле батрачим, от нужды-горя плачем... В седьмой — напиваемся, на восьмой — с похмелья валяемся, перед господом-богом каемся». Герой «Красноармейца Терехина» жалуется: «Что это такое? Руки у меня здоровые, не ленивые. Работаю в будни и в праздники. Не пьяница, не картежник, а живу, словно пес под чужими окошками». В итоге автор попал под негласный надзор.

В январе 1915 года А.С. Неверова призывали в армию, но в боевых действиях он не участвовал — служил в тылу сначала рядовым, затем писарем 4-й роты Самарской пешей дружины. В сентябре его направили на курсы фельдшерских учеников при Самарском военном лазарете. В это время им были созданы рассказы и очерки о солдатской жизни («В казарме», «Среди ополченцев», «Кое о чем», «Дома», «В плену»), о школе («Страх», «Дети», «Дело от безделья», «Волшебный фонарь»).

Октябрьскую революцию писатель принимает с восторгом. Сначала он сближается с эсерами, однако в 1919 году переходит на сторону большевиков. В самарском губполитпросвете «занимает пост заведующего художественно-литературной работой», сотрудничает с изданиями «Красная армия» и «Понизовье», состоит в литкружке «Звено», преподает в школе ликбеза, организывает народный театр, где выступает в качестве драматурга и актера. В мае 1920 года Неверов представляет самарских собратьев по перу на I Всероссийском совещании пролетарских писателей, знакомится с А.С. Серафимовичем, Ф.В. Гладковым, В.Я. Шишковым. Много пишет. Его пьеса «Бабы» удостоивается первой премии на конкурсе драматургических произведений, посвященных крестьянской жизни.

Проза Александра Сергеевича становится жестче. На первый план повествования выходят женщины (как, например, в рассказе «Мария-большевичка») и дети — ведь мужиков в деревне почти не осталось, а те, кто вернулся с «империалистической», искалечены физически и морально. Многие семьи потеряли кормильцев. «Дед умер, бабка умерла, потом — отец. Остался Мишка только с матерью да с двоими братишками. <...> Умер дядя Михайло, умер-

*А.С. Неверов среди писателей –
членов объединения «Кузница»*

*С учителями Мелекесского уезда.
Фотография 1923 года*

*С женой П.А. Скобелевой-Неверовой.
Фотография начала 1920-х годов*

ла тетка Марина». Так начинается повесть «Ташкент — город хлебный», где главный герой — двенадцатилетний Мишка Додонов (до революции Неверов написал лишь один рассказ о детях — «Колькин табель»).

Однако происходящие вокруг события вызывают у А.С. Неверова чувство растерянности, он колеблется в их оценке. Из записной книжки: «Я не знаю, кто прав. Я ничего не знаю. Нити мои перепутались». Политическая неопределенность писателя не остается незамеченной, возникают упреки в непонимании «железной необходимости жертв», привязанности к «старому миру». Между тем голод в Поволжье гонит Неверова в трехмесячную поездку «в Самарканд за хлебом». В 1922 году Александр Сергеевич вместе с семьей перебирается в Москву, где живет по адресу: Староконюшенный переулок, 33, квартира 11. По воспоминаниям современников, он был «выше среднего роста, <...> широкоплечий деревенский интеллигент. Большие рабочие руки, скуластое лицо, из-под большого лба глядели серые умные глаза». Несмотря на физическую развитость, А.С. Неверов быстро утомляется, страдает болезнью сердца. Друзья замечают в нем «писательскую усталость, некую обиду, разочарованность». Но он продолжает

сочинять, сотрудничает с журналами, участвует в работе литературного объединения «Кузница», присоединяется к кружку «Никитинские субботники».

В феврале 1922 года Александр Сергеевич в одной из статей обращается к пролеткультовскому писателю М.И. Волкову: «Если вы коммунист и смотрите на жизнь “общими”

*Памятник А.С. Неверову
на Ваганьковском кладбище*

глазами, “коллективными”, чтобы не выбиваться из рядов, то как художник вы должны иметь, кроме коллективных глаз, еще свои глаза — не разума, а “всезрящие глаза чувства” (Белинский). Свои «неполиткорректные» взгляды Неверов озвучивает и в других статьях, и в прозе. Новая неверовская повесть «Андрон Непутевый» вызывает со стороны критиков обвинения автора в «пережитках народнических воззрений», в «неклассовом» понимании Гражданской войны как войны «братоубийственной <...> между сыновьями единой матери-земли».

Несколько раз Неверов порывается вернуться в Самару. Жена советует ему посетить деревню — отдохнуть и посмотреть на «нового крестьянина». В августе 1923 года он отправляется на родину в Новиковку. Результатом поездки становятся повесть

«Шкрабы», статьи «У сельских учителей», «Дела культурные», «В коммуне», «Роза».

23 декабря 1923 года А.С. Неверова избирают действительным членом Общества любителей российской словесности, но на следующий день он неожиданно умирает от разрыва сердца. Похоронили его на Ваганьковском кладбище.

Достаточно характерная оценка созданного Александром Сергеевичем содержится в 11-томной «Литературной энциклопедии»: «Хорошее знание деревни, ее быта, языка и т. д., яркое, хотя и неполное отражение классовой борьбы в ней, общая революционная настроенность — все это делает творчество Н. ценным для нашего времени. <...> Марксистская критика занималась Н. мало и бегло». Слова «мало и бегло» в указанной связи остаются актуальными и по сей день.

Источники и литература

Александр Сергеевич Неверов. Автобиография (http://az.lib.ru/n/newerow_a_s/text_1930_autobio.shtml).

Александр Неверов. [Биографический очерк] // М., «Никитинские субботники». 1928.

Львов-Рогачевский В.Л. Книга для чтения по истории новейшей русской литературы. Л., 1925.

Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. М., 1928.

Тимофеев Л. Неверов Александр Сергеевич // Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1929–1939. Т. 7. М., 1934.

**МОСКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<http://www.mosjour.ru>

127015, Москва, Бумажный проезд, дом 14, строение 2.
Телефон: (499) 557-04-27 доб. 414
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Отдел распространения: (499) 557-04-07

Сергей Анатольевич Иванов

«Не одна жизнь была Вами спасена...»

О земском враче-подвижнике Петре Павловиче Васильеве (1867–1930)

*Петр Павлович Васильев.
Фотография конца 1920-х годов.
Личный архив А.С. Васильева*

Многие российские земские врачи явили в своей деятельности образцы высочайшего профессионализма и самоотверженного служения на избранной ниве. Одним из таких врачей был Петр Павлович Васильев, стоявший у истоков создания земской больницы в городе Новоузенске¹ и системы здравоохранения в Новоузенском уезде Самарской губернии.

Сын «бессрочно-отпускного 103-го Петрозаводского полка рядового Павла Васильева и законной его жены Евдокии Егоровой»², он родился в Самаре. Получить образование выходцу из бедной неграмотной семьи стоило огромных усилий, но Петр упрямо стремился к знаниям: сначала около го-

да занимался в Самарском духовном училище, затем поступил в местную гимназию, программу восьми классов которой успешно освоил. В 1886 году П.П. Васильева приняли на медицинский факультет Императорского Казанского университета. Окончив с отличием пятилетний курс и получив квалификацию хирурга (1891), Петр Павлович устроился сверхштатным ординатором в губернскую хирургическую больницу, работал в окрестных селах в условиях эпидемии сыпного тифа и холеры, затем (сентябрь 1892 — апрель 1893) состоял земским врачом в селе Дьяковке, наконец, перевелся (май 1893) в город Новоузенск.

* * *

Самарская губерния, образованная в 1850 году, числилась в ряду передовых по введению земских учреждений в России. В ее состав вошел и уездный Новоузенск, принадлежавший ранее к Саратовской губернии³. Территория Новоузенского уезда простиралась тогда от границ Уральской области до берегов Волги в степной и полупустынной природных зонах с засушливым климатом.

Основанный в 1760 году Новоузенск расположен на 200 километров юго-восточнее Саратова, на левом берегу реки Большой Узень. В конце XIX века город являлся административным и культурным центром Заволжья. Процветающее местное земство могло себе позволить строительство и содержание больниц, гимназий, училищ. Прежде картина выглядела несколько иначе: «В 1865 году земство (образованное в результате реформы 1864 года. — С. И.) приняло от Приказа⁴ больницу на 20 кроватей. По словам принимавшего ее председателя управы, больница содержалась крайне грязно, больных было шесть человек, одетых, можно сказать, в рубища. Обстановка была так плоха и бедна, что по описи больничного имущества управа согласилась принять от Приказа только 20 железных кроватей и дров на 60 рублей; все же остальное, как то: посуду, белье, мебель и проч., земство должно было тотчас же покупать». До 1884 года все лечебные заведения помещались в частных наемных домах. «В каждой больнице было по две низких и тесных палаты без всякой вентиляции — мужская и женская, почему разделение больных было невозможно: сифилитики, тифозные и все другие лежали в одной комнате, часто почти рядом, и были нередко случаи заражения в самой лечебнице острыми инфекционными заболеваниями»⁵.

В 1884 году земство Новоузенского уезда по ходатайству врачей начало строить свои больничные здания. Вскоре открылись два медучреждения в окрестных селах и одно в Покровской слободе⁶. Тем не менее городская больница продолжала помещаться «в частном наемном доме; в нем сделаны теперь некоторые приспособления, но плохая вентиляция, недостаток света и воздуха (низкие палаты) и холодное отхожее место остаются по-прежнему»⁷.

В мае 1893 года земское собрание поручило именно П.П. Васильеву кураторство над реализацией проекта создания

**Петр Васильев — студент первого курса
медицинского факультета
Императорского Казанского университета.
Фотография 1886 года.
Национальный архив
Республики Татарстан**

новой городской больницы, и в сентябре 1896-го она наконец переехала в собственное здание, соответствовавшее «требованиям наилучше организованной земской медицины»⁸. Через год ее заведующим назначили Петра Павловича, исполнявшего одновременно функции практикующего врача⁹. «Больница выстроена на 25 кроватей, но число больных может быть доведено до 40. Хозяйственной частью заведует смотритель, назначаемый и увольняемый земской управой, куда и сдается им отчетность. Прислуга назначается и увольняется смотрителем. Больничная усадьба занимает площадь в 4,5 десятины¹⁰. <...> Больница состоит из следующих отдельных частей: собственно больница; флигели под квартиры врача, фельдшеров, смотрителя и фельдшерицы-акушерки, для кухни и служительской; амбулатория; прачечная и баня; заразный барак; цейхгауз¹¹, ам-

ИЗ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ В РОССИИ

бар, каретник и 2 конюшни; усыпальница». Персонал: «Врач — один, фельдшеров двое; есть фельдшерница-акушерка, палатных служителей — двое, хожаток¹² — двое; далее — кухарка, прачка, служитель для заразного барака, дворник, водовоз, помощница прачки на зимние месяцы, амбулаторный сторож. <...> Больница представляет каменный корпус, одноэтажный, крытый железом. Стены штукатурены и белены, полы мозаичные. Корпус больницы разделен капитальной стеной на 2 отделения: в одном сифилитическое отделение, в другом терапевтическое и хирургическое. Сифилитическое отделение состоит из бокового коридора и 3 комнат: двух для мужчин и одной для женщин. При отделении — ванная комната. В конце коридора теплое отхожее место с асфальтовыми полами и печкой, снабженной вытяжной трубой. Печи — по одной в каждой палате; топка происходит в коридорах. Освещение керосиновое при помощи висячих ламп, снабженных зелеными абажурами. На дворе 2 колодца с питьевой водой. <...> В амбулатории: прихожая, ожидальня, аптека, материальная, пере-

*Кумысолечебница Новоузенского земства.
Фотография около 1910 года.
Новоузенский краеведческий музей*

вязочная. <...> Имеются вполне изолированный заразный барак с отдельной ванной и комнатой, <...> прекрасно обставленная операционная комната с асфальтовым полом и с отличным стоком жидкости. <...> Врач, фельдшерский персонал, смотритель и прислуга пользуются готовой квартирой с отоплением и освещением. <...> Дом врача о 5 комнатах с кухней, передней и ванной. Две квартиры фельдшерского персонала под одной крышей — каждая о двух комнатах с кухней и передней. <...> По количеству воздуха и света Новоузенская больница занимает первое место в уезде»¹³. В 1912 году¹⁴ и позднее¹⁵ здесь было отмечено высокое качество хирургической работы, в чем видится заслуга П.П. Васильева.

* * *

Обратимся теперь, основываясь на сохранившихся документах, к фигуре Петра Павловича, «немало потрудившегося в создании лучшей постановки медицинского дела в уезде»¹⁶, к его большим и малым делам и заботам. Так, на совещании врачей Новоузенского земства 17–19 июня 1898 года он высказывался по поводу «необходимости выписки периодических медицинских изданий», «выписки медикаментов и составления единого каталога» и был включен в «комиссию по выработке такого каталога». Там же Петр Павлович поставил вопросы о «качестве подготовки прислуги в лечебницах уезда», об «устройстве в слободе Покровской родильного приюта»¹⁷. 27 февраля 1901 года он осматривал «инструменты и медицинские принадлежности, сделанные врачами уезда; <...> при этом некоторые из вещей были оставлены как годные еще к употреблению, некоторые — подлежащие починке»¹⁸. В 1909 году на уездном

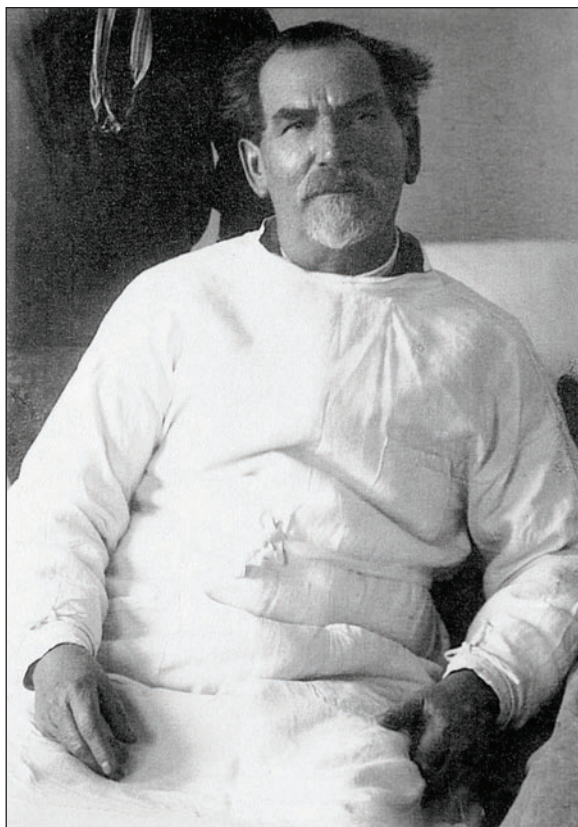

*Административное здание Новоузенской районной больницы.
2015 год.
Фотография автора*

земском собрании Петр Павлович затронул проблему своей профессиональной занятости: «Я не отказываюсь от города и часто выезжаю то в Николаевку, то в Киргизы. <...> Район более потеряет, если я уеду на 3 дня прививать оспу. Что-нибудь одно: или заниматься больницей или ходить по селу делать дезинфекцию»¹⁹. Видимо, трудность не разрешилась и через год: «Васильев находит, что нельзя на эпидемического врача взваливать всю деятельность участковых врачей: приемы, выезды. Главным образом свое внимание эпидемический врач должен обращать на борьбу с эпидемиями»²⁰. Выслушав доклад на врачебном совете 4–5 марта 1913 года о введении «консервативного» (терапевтического) лечения, П.П. Васильев советовал: «Надо просить товарищей, которые поедут на Пироговский съезд»²¹, обратить особое внимание, как там будут разрешаться означенные вопросы»²². В те времена вся стоматология в России сводилась преимущественно к вырыванию зубов. С целью сделать «консервативное зубоврачевание» одной из «отраслей участковой медицины» и определить «способы первых шагов его осуществления» была создана комиссия с участием Петра Павловича. Также стоит упомянуть, что он ратовал за расширение в уезде сети кумысных лечебниц²³ и устройство «санатория для туберкулезных и ослабленных питанием больных, который бы функционировал круглый год»²⁴.

* * *

Учитывая обширность Новоузенского уезда и, соответственно, недостаточную его обеспеченность медицинским обслуживанием, местное земство всемерно стремилось увеличить на подведомственной территории количество медицинских учреждений²⁵. К концу 1898 года в уезде трудились 14 врачей, 45 фельдшеров и 14 фельдшерниц-акушерок. По данным же за 1914 год, в нем действовали 35 полноценных врачебных участков²⁶, 11 фельдшерских пунктов, а также две больницы (глазная в селе Красный Яр и Новоузенская), участков²⁷ не имевшие; жители (более 600 тысяч человек) обслуживались силами 44 врачей, 55 фельдшеров при врачах и 11 фельдшеров на самостоятельных фельдшерских пунктах, 58 фельдшерниц-акушерок²⁸. Врачебный совет, съезды докторов при энергичном участии П.П. Васильева боролись за повышение уровня лекарственного снабжения населения, обеспечение максимальной до-

П.П. Васильев в больнице.
Фотография 1914–1916 годов.
Личный архив А.С. Васильева

С женой и детьми.
Фотография 1902–1903 годов.
Личный архив А.С. Васильева

ступности врачебной помощи, внедрение вакцинации. В результате в уезде снизилась заболеваемость брюшным тифом, холерой, малярией.

Петр Павлович всегда стремился оставаться на передовых рубежах медицинской науки. Он периодически посещал лучшие столичные клиники, участвовал в Пироговских съездах и других подобных мероприятиях, стажировался в Париже у микробиолога и исследователя туберкулеза Роберта Коха (1843–1910), патолого-

анатома и гигиениста Рудольфа Вирхова (1821–1902). Васильев утверждал: «Жизнь требует, чтобы я был хирург, терапевт, глазник, гинеколог, и я постигал по своей силе и обстоятельствам эти специальности». Его заслуги отмечались достойно: в 1908 году Петр Павлович — коллежский асессор²⁹, в 1910-м — надворный советник³⁰. Не отставало от государства в деле поощрения доктора Васильева и земство: «Управа докладывает, что в 1917 г. исполняется 25-летие службы врача Новоузенской земской больницы П.П. Васильева. Собрание единогласно постановило: 1) поднести адрес от имени земства; 2) вывесить в здании Новоузенской больницы его портрет и 3) увеличить ему содержание на 600 руб. в год»³¹. В адресе говорилось: «Не одна жизнь была Вами спасена, не одно тяжелое заболевание, могущее повлечь за собой смерть, было Вами прекращено, и больной был возвращен к своей прежней деятельности. Помимо того, Вы всегда чутко относились к общественной жизни, и городская управа в делах санитарии находила в лице Вашего опытного советника и помощника. Ваше участие в изыскании средств и улучшении материальных условий многих бедных учеников нашего реального училища и женской гимназии дало возможность очень многим получить образование». Не остались в стороне и врачи Новоузенского уезда: «Имея возможность в начале своей деятельности устроить блестяще себя как в материальном, так и в общественном положении, Вы все-таки пошли в глухой уезд, <...> в котором недавно начала развиваться медицина. Отсутствие организации на местах делало условия работы для врача крайне тяжелыми. <...> Благодаря Вашей энергии Вы помогли создать настоящую больницу, которая заняла одно из видных мест в уезде. <...> Мы, товарищи, прино-

Нагрудный знак
земским деятелям
«В память 50-летия
земских учреждений»

сим Вам сердечное поздравление с пожеланием продолжать Вашу плодотворную работу в наше неустойчивое время переоценок всех ценностей, когда приходится напрягать все силы на то, чтобы земская медицина не останавливалась в своем развитии и прогрессировала в дальнейшем». Аналогичное послание Петр Павлович получил и от служащих Новоузенской больницы: «Характеризуя Вас как человека, мы должны отметить редкую и ценную особенность Вашего характера, это — отсутствие подозрительности, мелочности и формализма, создающих нездоровую и душную атмосферу, в которой немыслимо дружное сотрудничество, невозможна спокойная, планомерная и продуктивная работа. В каждом Вашем сослуживце или подчиненном Вы умели находить и ценить лучшие стороны его личности, Вы умели ради пользы дела снисходительно относиться к его слабостям и недостаткам, за что, конечно, Вас нельзя не уважать. Чувство личной нравственной ответственности в деле исполнения служебных обязанностей в Ваших глазах всегда было несравненно выше и дороже чувства страха перед репрессиями, поэтому внутренний распорядок больницы всегда был основан не столько на принуждении, сколько на сознательном и добровольном исполнении каждым своего служебного долга и на взаимном доверии».

Поздравительные адреса, фрагменты которых приведены выше, датированы 23 октября 1917 года, по новому стилю — 5 ноября. Через два дня произошла Октябрьская революция, потом началась Гражданская война.

* * *

В архиве Новоузенского краеведческого музея сохранилось письмо от 1 июля 1919 года из Уездравотдела в Особый

ИЗ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ В РОССИИ

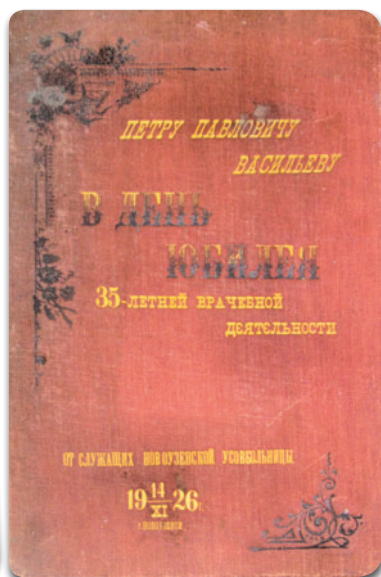
отдел при Реввоенсовете 4-й армии: «Врач уездной Новоузенской больницы П.П. Васильев — единственный хирург на весь уезд; ввиду близости театра военных действий больница исключительно обслуживает красноармейцев, требующих крупной неотложной оперативной помощи; операции производятся врачом Васильевым, который вашим политотделом вызывается в Красный Кут (с 1966 года — город в Саратовской области. — С. И.). Уездравотдел, доводя об этом до вашего

и упорно отказался выдать им тяжело-раненого красного комиссара Сусликова. Угроза ареста со стороны помощника командарма белых Кадушкина не остановила его оказать помощь красным комиссарам Тимошенко и Перевезеву, заключенным в тюрьму, и вынуть осколок от шрапнели у красноармейца, целые сутки кричавшего от нечеловеческих страданий под градом насмешек белой озверелой шайки офицеров. <...> Громадные заслуги приписываются Петру Павловичу по борьбе с голодом

*Поздравительные адреса к 35-летию врачебной деятельности.
1926 год. Новоузенский краеведческий музей*

*От Союза Медсантруда
и Секции врачей*

*От служащих
Новоузенской больницы*

*От граждан города
Новоузенска*

сведения, предупреждает, что тов. красноармейцы тяжело раненные, большинство которых не могут вынести даже короткой перевозки и которым оперативная помощь обычно нужна немедленная, с выездом врача Новоузенской больницы П.П. Васильева будут лишены ее, что наверняка вызовет жертвы. Уездравотдел просит спешно дать распоряжение о возвращении врача Васильева к месту службы».

Еще цитата: «Во время Гражданской войны, когда Новоузенск не раз переходил из рук в руки, Петр Павлович оставался у постели больного, не покидая своей больницы, хотя ему и не раз грозила опасность. Только случайность спасла его от дикой расправы белых, когда он твердо

и эпидемией сыпного тифа в 1921 году, где он, верный своему долгу, не покидает своего поста в этот тяжелый период голода, болезней и бандитизма, упорно борясь за здоровье населения»³².

Итак, что бы ни происходило, П.П. Васильев неизменно оставался верен клятве Гиппократова. Поэтому 35-летие врачебной и общественной деятельности Петра Павловича (1926) было по достоинству оценено новой властью: «Президиум уездного исполнительного комитета постановляет: 1) считать вполне заслуженным присвоение врачу Васильеву звания Героя Труда на фронте борьбы за дело охраны здоровья трудящихся; 2) наименовать уездную советскую больницу именем Васильева;

3) возбудить вопрос перед Губисполкомом и Губздравом об установлении врачу Васильеву пожизненной персональной пенсии в размере 150 руб. в месяц; <...> 4) в день юбилея, 14 ноября с. г., совместно с профессиональными организациями провести деловое чествование, поручить с приветствиями от УИКа выступить тов. Рассохе». Подчиненные Васильева отмечали: «Как администратор Вы — убежденный противник “ежовых рукавиц” и мертвящего дела формализма. Живое, сознательное и добросовестное отношение к делу каждого больного работника — вот цель, к которой Вы всегда стремились. Добрым словом и личным примером Вы учите нас работать не за страх, а за совесть».

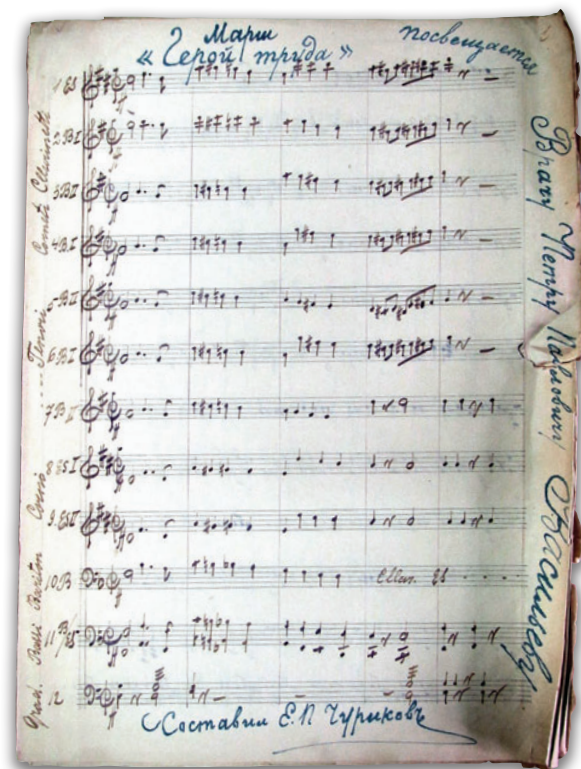
Трудясь в области практической медицины, П.П. Васильев, о чем уже говорилось выше, никогда не терял связи с наукой, ее последними достижениями. В 1920-х годах он был избран членом Саратовского хирургического общества³³, у истоков которого стояли В.И. Разумовский³⁴, С.И. Спасокукоцкий³⁵ и другие выдающиеся медики. Василий Иванович Разумовский тоже поздравил коллегу с юбилеем: «Работая в глуши, Вы сумели все время стоять на уровне нашей прогрессирующей науки, между прочим, и той дисциплины, которая мне наиболее близка, — хирургии».

Свою лепту в чествование внес Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, отправив юбиляру письмо за подписью ректора С.Р. Миротворцева³⁶.

Послание пришло и от Саратовского физико-медицинского общества³⁷. Автографы на нем оставили председатель Н.Е. Кушев³⁸ и члены президиума, включая упомянутого В.И. Разумовского: «Благодаря Вашему незаурядному опыту и трудам Новоузенская больница приобрела известность; сюда стекались больные со всего уезда, <...> и Вы всем оказывали посильную помощь. В последние годы при новой советской медицине Вы с тем же жаром и с той же энергией продолжали свое любимое дело, служа примером для молодых».

Будучи председателем Научной ассоциации врачей Новоузенского уезда, Петр Павлович много помогал младшим товарищам. Возможно, одним из них был начинающий медик Н. Назаров из Саратова, писавший: «Какой пример являете Вы собой

для молодых врачей, которые смущаются от страха перед мыслью идти и работать в условиях некультурной деревенской обстановки! Поистине, мы все должны обратиться к Вам со словами: “Учитель, научи нас трудной науке — среди людей остаться человеком, научи нас видеть своего брата без раз-

Ноты гимна (марша) «Герой Труда», посвященного П.П. Васильеву.
Новоузенский краеведческий музей

личий в религии и общественном положении, научи нас любить правду и перед ней одной преклоняться!»»

24 декабря 1927 года П.П. Васильева удостоили звания Героя Труда³⁹. По этому поводу новоузенцы сочинили и исполнили «Гимн благодарного народа в ознаменование 35-летнего труда славного глубокоуважаемого маститого врача Петра Павловича Васильева», где были такие строки:

Саратов больных к тебе посылал:
«У вас есть Васильев», — профессор сказал⁴⁰.

* * *

Как сообщил внук Петра Павловича — Алексей Сергеевич Васильев, по дошедшим до него от родных сведениям, П.П. Васильев пережил Гражданскую вой-

ИЗ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ В РОССИИ

ну и голод в Поволжье, но не уберется от тифа: случайно заразившись, скончался в Саратове. Однако некоторые обстоятельства побуждают выдвинуть на сей счет совершенно другие предположения. Многие говорят в пользу того, что П.П. Васильев под конец жизни мог быть репрессирован и завершить свой земной путь в местах не столь отдаленных. Почему (во-первых и в-главных) место погребения авторитетнейшего врача и видного общественного деятеля никому, включая прямых потомков, не известно? Почему некролог в «Казанском медицинском журнале»⁴¹ вышел только в сентябре, спустя почти полгода со дня кончины Петра Павловича — не только выдающегося медика, но и выпускника Казанского университета? Почему вопреки официальному распоряжению (см. выше) больница в Новоузенске так и не была названа в честь ее руководителя?

Пищу для предположений дает и докладная записка⁴² Я.С. Агранова⁴³ (1922) «О 2-м Всероссийском съезде врачебных секций и секций врачей Всемередикосантрусда»: «Идейные руководители съезда в своих выступлениях по вопросу о развенчании советской медицины все единодушно прихо-

дят к выводу, что лишь путем проведения в жизнь самоуправления на основе демократических свобод возможно организовать общественные силы для возрождения распадающейся советской медицины. <...> Общая обстановка диктует необходимость принятия ряда мер по пресечению деятельности руководителей движения». В связи с этим автор документа предлагает: «1) ликвидировать Общество русских врачей имени Пирогова⁴⁴ как незарегистрированное и, следовательно, нелегальное; 2) закрыть журнал этого Общества как журнал общественного характера, не строго научного, стремящийся стать органом врачебно-политической оппозиции; 3) арестовать деятелей Пироговского общества (приводится список. — С. И.); 4) выслать этих врачей в голодающие губернии. <...> Дальнейшие меры в отношении врачей можно будет приурочить к общей операции по антисоветской интеллигенции». Проведение указанной «операции» предполагало, в частности, следующее: «Установить, что ни один съезд или всероссийское совещание спецов (врачей, агрономов, инженеров, адвокатов и проч.) не может созываться без соответствующего на то разрешения НКВД. Местные съезды или совещания

Мебель, письменные принадлежности и предметы интерьера из кабинета П.П. Васильева. Собственность А.С. Васильева. Фотография автора. Москва. 2015 год

*Алексей Сергеевич
Васильев на открытии
мемориальной доски
земскому врачу
П.П. Васильеву.
2 декабря 2015 года.
Фотографии автора*

спецов разрешаются губисполкомами с предварительным запросом заключения местных отделов ГПУ (губотделов)»⁴⁵. Все это более чем вероятно могло коснуться и съездов новоузенских медиков, а также Научной ассоциации врачей Новоузенского уезда, возглавляемой П.П. Васильевым.

Воспоминания видного деятеля русской эмиграции А.Р. Трушновича⁴⁶ прямого отношения к нашему герою не имеют, однако в положении, в котором оказался автор цитируемых далее строк, мог оказаться и Петр Павлович: «Семидесятилетний старик, бывший зажиточный крестьянин, раскулаченный и выгнанный из дома, заболел самопроизвольной гангреной нижних конечностей. <...> Мы ампутировали ногу ниже колена и положили его в общую палату. Больница была переполнена, и мы были вынуждены положить в общую палату также и коммуниста. Он закричал, что мы принимаем в больницу кулаков и отнимаем место у рабочих и колхозников». Трушновича вызвали в райком и устроили ему грубый разнос. «Надо было обладать большой силой воли и выдержкой, чтобы удержаться от резких слов» в ответ. В подобной ситуации лишенный «страха перед репрессиями» Васильев мог не побояться осадить того, кто попытался бы помешать ему исполнить свой врачебный долг. И нет ли скрытой подоплеки в неожиданном и никак не объясненном переводе главврача Новоузенской больницы за четыре месяца

до его смерти (если согласиться с принятой датой) в консультанты при больнице и городской амбулатории? Соответствующая справка хранится в архиве Новоузенского краеведческого музея. Удивительно, что она, как и упомянутое выше постановление президиума УИК по поводу юбилея Петра Павловича, нотариально заверена в... Архангельске. Что произошло с П.П. Васильевым, если касающиеся его бумаги очутились там? И почему они

* * *

вернулись в Новоузенск? Информации об этом у нас нет, но есть вот такая — опять же, дающая поводы для предположений: «В первых числах октября 1929 г. в дом-заки⁴⁷ Среднего Поволжья, Центрального Черноземья и Ленинграда Москва снарядила комиссии “для отбора рабсилы и для Соловков, и для Северных лагерей”»⁴⁸. Кстати, сведений о консультантской работе Петра Павловича найти до сих пор не удастся. Имела ли она вообще место?..

Как видим, вопросов возникает много. Ответов же пока нет; надеемся, они появятся в ходе дальнейших разысканий.

Сегодня Новоузенская больница представляет собой клинический комплекс, оборудованный по современным стандартам. На старом здании, занимаемом администрацией, 2 декабря 2015 года была открыта мемориальная доска П.П. Васильеву. Ее установили по инициативе и на средства А.С. Васильева. Событие⁴⁹ пришлось на знаменательную дату — 150-летие со дня утверждения Новоузенской земской управой проекта больницы, которую, хочется верить, в будущем станут называть Васильевской.

¹Ныне — ГУЗ Саратовской обл. «Новоузенская районная больница».

²Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Д. 31069. Л. 14.

³В 1928 г. Новоузенск становится центром Новоузенского района Пугачевского округа Нижне-Волжского края (с 1936 г. — в Саратовской области).

⁴Приказы общественного призрения — губернские учреждения, введенные Екатериной II в 1775 г. для управления народными школами, сиротскими домами, больницами, аптеками, богадельнями, рабочими домами и т. п.

⁵Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова. Земско-медицинский сборник. Выпуск IV. М., 1891. С. 57–58.

⁶Ныне — г. Энгельс Саратовской обл.

⁷Общество русских врачей... С. 57–58.

⁸Врачебная хроника Самарской губернии. 1898. № 5. С. 13.

⁹И впоследствии, когда в больнице появился штат врачей, П.П. Васильев не оставил практику.

¹⁰Это составляет 4,9 га.

¹¹Склад для хранения медицинского оборудования и материалов.

¹²Сиделок.

¹³Врачебная хроника... 1899. № 2. С. 25–30.

¹⁴Труды XVIII губернского совещания врачей и представителей земства Самарской губернии 26 мая — 4 июня 1912 г. Части II–III. Самара, 1912. С. 153.

¹⁵Вестник Новоузенского земства. 1916. № 1–2. С. 99.

¹⁶Из поздравительного адреса к 35-летию юбилею врачебной деятельности П.П. Васильева (см. прим. 40).

¹⁷Врачебная хроника... 1898. № 5. С. 11, 17, 25–26.

¹⁸Там же. 1901. № 9–10. С. 21.

¹⁹Журналы XLV очередного Новоузенского уездного земского собрания 1909 г. Доклады Новоузенской уездной управы с приложениями. Новоузенск, 1910. С. 1419.

²⁰Журналы XLVI очередного Новоузенского уездного земского собрания 1910 г. Доклады Новоузенской уездной управы с приложениями. Новоузенск, 1911. С. 399–400.

²¹Пироговские съезды — съезды врачей, проходившие в России в конце XIX — начале XX в. под эгидой Пироговского общества (см. прим. 44).

²²Журналы Новоузенского уездного земского собрания 1913 г. Доклады Новоузенской уездной земской управы. Новоузенск, 1914. С. 386.

²³По данным земской управы на 1911 г., вблизи Новоузенска располагались три курорты; в 1915 г. в уезде имелись шесть частных и одно земское курортное заведение.

²⁴Доклады Новоузенской уездной земской управы Новоузенскому земскому собранию 50–51-й очередной сессии 1914–1915 гг. по народному здравью. Новоузенск, 1916. С. 52.

²⁵См.: Труды XII Совещания врачей и представителей земства Самарской губернии. Доклады и материалы Совещания. Часть I. Самара, 1898. С. 93.

²⁶Это — 2 больницы без участков (см. прим. 27), 5 больниц с участками, 10 участков с лечебницами, 12 участков с приемными покоем и 6 участков с амбулаториями.

²⁷Население врачебного участка в среднем составляло 17 тыс. чел., площадь — 1018,5 кв. верст (примерно 1161 кв. км.).

²⁸Журналы Новоузенского уездного земского собрания 51-й очередной сессии 15–23 ноября 1915 г. Новоузенск, 1916. Доклад № 75. С. 226.

²⁹Российский медицинский список, издаваемый Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел. СПб., 1809–1916.

³⁰Согласно Табели о рангах, чин надворного советника приравнивался к чину подполковника в армии.

³¹Вестник Новоузенского земства. 1916. № 9–12. С. 150.

³²*Тимошенко-Соломина Н.* 35-летний юбилей врачебной деятельности П.П. Васильева // Саратовская газета. 1926. 16 ноября.

³³Зародилось в виде хирургического кружка (1910) и оформилось как Общество после утверждения его устава ученым советом Саратовского университета (1918).

³⁴Разумовский Василий Иванович (1857–1935) — хирург, доктор медицины, профессор, Герой Труда, один из основателей и первый ректор (1909–1912) Саратовского университета (сначала состоявшего из одного факультета — медицинского). Сегодня имя В.И. Разумовского носит Саратовский государственный медицинский университет.

³⁵Спасокукоцкий Сергей Иванович (1870–1943) — хирург, создатель советской клинической школы, академик АН СССР. Внес выдающийся вклад в область желудочно-кишечной и легочной хирургии, в решение проблемы переливания крови. В 1909–1911 гг. заведовал хирургическим отделением Саратовской городской больницы, позже (1912–1926) возглавлял кафедру госпитальной хирургии Саратовского университета.

³⁶Миротворцев Сергей Романович (1878–1949) — хирург, действительный член АМН СССР (1945), заслуженный деятель науки РСФСР (1935), в 1923–1928 гг. — ректор Саратовского университета (последний ректор-медик — см. прим. 34).

³⁷В 1860 г. в Саратове было создано профессиональное объединение медиков под названием «Беседы саратовских врачей», переименованное (1898) в Физико-медицинское общество. В 1875 г. Общество начало проводить медико-статистические исследования, его члены в дальнейшем стали советниками городской думы по борьбе с эпидемиями. С 1907 г. до ликвидации Общества в конце 1920-х гг. его

возглавлял доктор медицины Н.Е. Кушев (см. след. прим.).

³⁸Кушев Николай Егорович (1858–1941) — врач, маляриолог. В 1913 г. принимал участие в работе Всемирного медицинского конгресса (Лондон), где познакомился с П. Эрлихом, Р. Кохом и другими медицинскими светилами того времени; работал у Л. Пастера. С 1922 г. — профессор кафедры диагностики Саратовского университета; с 1922 г. заведовал Саратовской малярийной станцией — одной из первых в СССР, фактически возглавив всю работу по борьбе с малярией в Поволжье.

³⁹Этого звания, учрежденного в 1927 г., П.П. Васильев удостоился одним из первых в стране.

⁴⁰Все процитированные в статье поздравительные адреса П.П. Васильеву хранятся в Новоузенском краеведческом музее.

⁴¹Казанский медицинский журнал. 1930. № 9. С. 948–949.

⁴²<http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56016>

⁴³Агранов Яков Саулович (1893–1938) — сотрудник органов безопасности, комиссар ГБ I ранга. Подписал упомянутую докладную записку, состоя в должности особоуполномоченного Госполитуправления. Последние должности: заместитель наркома внутренних дел СССР, начальник Управления НКВД по Саратовской области. Арестован 20 июля 1937 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

⁴⁴Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова (Пироговское общество) — одно из самых авторитетных в России профессиональных объединений медиков, создано в 1881 г. Большинство его членов не приняли Октябрьскую революцию, в результате чего Общество было распущено (1922).

⁴⁵<http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56017>

⁴⁶*Трушинович А.Р.* Воспоминания корниловца. 1914–1934. М.-Франкфурт, 2004. С. 57.

⁴⁷Дома заключения — один из основных видов мест лишения свободы на территории РСФСР в 1925–1929 гг. Там содержались подследственные, а также осужденные, вердикт в отношении которых еще не вступил в законную силу.

⁴⁸<http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1000545>

⁴⁹<http://www.novouzensk.ru/about/info/news/4727/>

Татьяна Владимировна Руденко

«Изящная простота во всем»

Как в России XIX века «люди хорошего тона»
заботились о своем гардеробе

Модная картинка из журнала «Вестник парижских мод», 1841 год. № 19

В 1821 году 9-летнего Васю Селиванова (будущего литератора Василия Васильевича Селиванова, 1813–1875) отец привез в Москву для обучения в частном пансионе Кистера. Спустя несколько дней после начала занятий Вася попал на урок русской грамматики к Александру Дмитриевичу

Смирнову. Облик учителя запомнился мальчику на всю жизнь: «На нем был надет фрак коричневого цвета и очень потертый; панталоны узенькие и белый жилет пикэ (здесь и далее сохраняется орфография цитируемых источников. — Т. Р.) с огромным желтым чернильным пятном чуть не в поло-

НРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

вину всего жилета. В петличке на длинной Владимирской ленте моталась дворянская медаль 1812 года¹. Через 8 лет в торжественной обстановке выпускного экзамена костюм Смирнова оставался прежним: «Александр Дмитриевич <...> явился на экзамен и выбрит, и напомажен, хотя все-таки в своем неизменном сильно потертом коричневом фраке с <...> прицепленной в петлице на Владимирской ленте бронзовой дворянской медалью 12 года. Жилет его из белого пике (а здесь так. — Т. Р.) был чисто вымыт, но огромное, почти во всю половину жилета, чернильное пятно, которое от мытья сделалось только желтым, придавало всей фигуре <...> особенную оригинальность»².

Небрежением к одежде, да и вообще неопрятностью тогда грешили и иные представители знати. Обратимся вновь к воспоминаниям В.В. Селиванова. Его родственница княгиня Настасья Амосовна Мещерская, урожденная Демидова, жившая в усадьбе в селе Киселево, «была очень неглупа, полна, бела, в обращении любезна и говорила без утомления. Туалетом своим она занималась мало. Серые редкие волосы ее были как будто всегда растрепаны, и впечатление моего детства представляет мне ее не иначе как одетой не то в коленкоровой кофте, не то в таком же капоте с подвязушками и очень небрежно»³. Еще пример. Мария Александровна Лопухина с сожалением

А.П. Брюллов. Портрет С.С. Хлюстина. 1835 год

рассказывала кухне о жизни брата, женатого на Варваре Оболенской: «Алеша с женою и детьми находится сейчас в деревне их дядюшки князя Ивана Оболенского. Вот уж жалкое семейство! <...> Его жена самая скучная дура, какую я видела. <...> Эта женщина не делает ничего, решительно ничего. Вот как она проводит день. Встает в одиннадцать часов, иной раз в полдень, к завтраку выходит в пеньюаре столь сальном, что не понять, какого он цвета. Под пеньюаром такая же сальная рубашка, волосы не чесаны и даже не собраны гребенкой. <...> Утро занято поеданьем гороха или бобов, она приносит их в гостиную, ощипывает, а шелуху бросает по диванам. Это продолжается до обеда. <...> Не работает, не читает, словом, не делает ничего, решительно ничего. Притом отвратительно скупа и, говорят, даже сделалась капризна. Дворовые ее не любят и даже презирают. <...> Ежели бы ты могла увидеть детскую, то испугалась бы. Цыганский табор не живет в такой грязи. Вообще во всем доме ужасная грязь и вонь»⁴. Московский почт-директор Александр Яковлевич Булгаков, участник множества празднеств и балов, писал о русских дворянках: «Признаться, наши дамы очень, очень позади от француженок; гадко на них смотреть: не щеголеваты и даже неопрятны, а ежели чисто и хорошо или богато, то не к лицу, а это главное»⁵.

А.П. Брюллов. Портрет И.М. Донаурова.

1840-е годы.

Государственная Третьяковская галерея

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

Со второй половины XVIII и на протяжении всего XIX столетия в России регулярно издавались самые разнообразные пособия, трактующие вопросы этикета и содержащие рекомендации по ведению хозяйства, уходу за здоровьем, внешним видом и так далее (нами обнаружено более 80 подобных изданий). Вот одна из характерных рекомендаций: «Безупречная чистота — первое качество светского человека. Вам скорее простят потертое платье, чем жирное пятнышко на вашем жилете»⁶. Или такая: «Женщины должны заботиться о своем туалете не только тогда, когда отправляются на бал или званый вечер, но они должны взять себе за правило быть всегда чисто и к лицу одетой, так чтобы дома и в те часы, когда вы никого не ожидаете к себе, вам не стыдно было бы выйти и принять посторонних»⁷. Тут же весьма существенное пожелание: «Необходимо выбрать себе хорошего портного»⁸.

Литературные журналы в разделах, посвященных модным новинкам, также уделяли внимание внешнему виду сограждан. Особой активностью в данном отношении отличался «Современник». К таким, как упомянутый выше учитель Смирнов, обращался со страниц журнала Иван Александрович Гончаров, стыдя людей, «которые хвастаются, что они носили фрак, жилет или другое пять,

С.К. Зарянко. Портрет почт-директора Федора Ивановича Прянишникова. 1844 год

Франц Крюгер. Портрет поэта князя Петра Андреевича Вяземского. 1830-е годы. Государственный исторический музей

десять лет и даже более, и ставят это себе в великую заслугу. <...> Пять, десять лет носить платье, обувь! Это все равно что изготовить и есть целую неделю один суп, одно жаркое. Что сказать на это? У меня нет слов. Я только сильно, сильно пожимаю плечами»⁹. Другой автор призывал соотечественников тщательно относиться ко всем предметам своей одежды без исключения. «Кто, — возмущенно вопрошал он, — видит башмаки, кому нужда до юбок и чулков!» И далее обвинял женщин в тратах значительных средств на шляпки и платья для выхода, в то время как дома они носят «грязные миткалевые распахнутые капоты, башмаки, которые, как говорится, каши просят, обвислые чулки или пудовые неуклюжие ботинки со скрипом и вонью, — изделие какого-нибудь мастера из <...> дворни»¹⁰. Ему вторил тот же И.А. Гончаров: «И сколько, сколько таких людей, у которых правило хорошо одеваться только в гости да по воскресеньям, а в будни и дома они считают себя вправе проходить так, в чем-нибудь, надеть старенькое, грязненькое, чтоб не жаль было таскать»¹¹.

Литераторы не только возмущались, но и выдвигали образцы для подражания. Вот как Александр Фомич Вельтман обрисовал внешность Медова в повести «Карьера» (1842): «Пара платья только что снята с таппекин (манекена. — Т. Р.) модного

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

портного <...> покрой сертука так хорош, что до прибытия новых образцов из Парижа лучше выдумать нельзя. Сукно — как китайский атлас; сидит впору, гладко, ловко, как кожа; нигде не жмет, не ежится: можно подумать, что в этой паре платья на свет родился. На батисте, прилегшем к груди Медова струями, запонка с яхонтом. <...> Бархатный жилет — с нашивными шипками, или, как говорят ботанисты, распуколками роз; на шее — шаль из какой-то толсто-великой материи, завязанная пухлым узлом; золотая цепочка так хороша, что можно ее

иначе!.. потом шитыми батистовыми рубашками...

— У меня уже есть... я купил на днях три штуки!

— Вот славно! да кто же покупает эти вещи поштучно! Это хорошо делать кому-нибудь светскому голышу, а не тебе... Купи себе три-четыре дюжины! Ведь стоит только раз толкнуться тебе куда-нибудь — пошли расхватывать! каждый вечер будешь зван то на бал, то на чай... А утренние визиты! что ты? Христос с тобою! три рубашки!.. Утром вышел гулять — одну надел,

Модная картинка из журнала «Вестник парижских мод». 1841 год. № 45

употреблять вместо оков сердечных; модные перчатки цвета рукавиц»¹². В диалоги литературных персонажей вплетались наставления, как формировать надлежащий гардероб. В романе Дмитрия Васильевича Григоровича «Похождения Накатова, или Недолгое богатство» Бондаревский убеждает главного героя:

— Ты непременно должен запастись батистовыми галстуками и лакированными ботинками, — слышишь, лакированными, не

визит — другую, вечер — третью, спектакль или бал случится в тот же день — четвертую... эх его! три рубашки!.. Да знаешь, любезный Накатов, сколько по-настоящему порядочный человек, денди, каким ты хочешь быть, должен носить в день перчаток? ну, как ты думаешь?

— Две... три пары..., — нерешительно произнес Накатов.

— Стыдись! а еще джентльмен! ради Бога, не ляпни такой штуки пред каким-нибудь

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

великосветским львом... как три! Слушай: утром идешь гулять — одна пара цветная, т. е. смотря по цвету пальто или панталон (заметь себе это); катаешься верхом около часу, как подобает каждому джентльмену, — другую пару, замшевую, т. е. также сообразно цвету остальной одежды или особенно масти твоего роннеу, лошади (заметь это); идешь обедать — желтые или палевые, это три; в театр — четыре; на бал — белые, пять; в маскарад случится — шесть. Так вот как, любезный: вдвое ровно... Потом, Накатов, ради самого Бога, перестань так немилосердно намазывать себе голову помадой; ты же, как назло, предпочитаешь гвоздичную, запах которой, извини, братец, напоминает горничных, да и то только провинциальных! фи! возьми себе куаффером (парикмахером. — Т. Р.) Грильона: он устроит тебе все это как нельзя лучше... а также не прыскай на себя духов, особенно крепких: это *tauvais genre* в высшей степени!¹³

В первой половине XIX века менялись и отношение к костюму, и сам костюм. Мужское платье гораздо раньше, чем дамское, стало упрощаться и демократизироваться, костюм постепенно приобретал элегантный и одновременно строгий вид.

**И. П. Раулов. Портрет князя
Эммануила Васильевича Голицына.**
Бумага, графитный карандаш,
акварель, белила. 1852 год.
Государственный исторический музей

**К. П. Брюллов. Портрет архитектора и художника
Александра Брюллова. 1841 год**

Канули в Лету обильно украшенные золотом, серебром и цветной шелковой вышивкой кафтаны, затем ушли в прошлое цветные с искрой фраки. В начале 1840-х годов предпочтения отдавались темным тонам — коричневому, серому, синему, черному, но допускались и некоторые яркие детали, например, клетчатые или полосатые галстуки. К середине столетия был сформулирован девиз «человека хорошего тона»: «изящная простота во всем»¹⁴. «Комильфотные» люди уже не позволяли себе «жилеты с гляncем и с шелковистым отливом»¹⁵. В 1849 году журнал «Современник» писал: «Черный цвет преобладает по обыкновению. Вот один из безукоризненных и изящных бальных костюмов нынешней зимы: черный фрак (с фалдами, которые короче и несколько шире прошлогодних; талии умеренные), белый галстух; шитая батистовая рубашка с стоячими воротничками, жилет черный из тонкого казимира с белым поджилетником. Пуговицы на жилете или золотые, или из кораллов, или из синей эмали, с небольшими бриллиантками, смотря по вкусу, или просто черные. Панталоны, разумеется, черные, без штрипок или со штрипками. Все платье должно быть очень свободно»¹⁶.

Однако в то время русского «человека хорошего тона» на пути к безупречному туалету поджидало множество препятствий. Во-первых, зачастую элементарная

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

нехватка средств. Сохранилось свидетельство о более чем скромном существовании графа Михаила Дмитриевича Бутурлина, чья современница в феврале 1842 года в одном из писем сетовала: «*Катерина Бутурлина (супруга графа. — Т. Р.) вернулась из Италии. <...> Мне очень жаль бедняжку, уж и не знаю, как они будут существовать в Москве с той малостью, что имеют. Он служит <...>, это место дает ему две-три тысячи рублей, других доходов нету, и этим должны жить муж, жена и ребенок. В Москве это невозможно!*»¹⁷

Для Павла Семеновича Гесса, в первой половине 1840-х годов занимавшего не сказать чтобы мизерную должность архитектора Нижегородской казенной палаты, значительным событием тем не менее стало приобретение шубы. «*При своих маленьких средствах он как-то собрался и сшил себе енотовую шубу, крытую серым сукном. В то время подобная шуба считалась элегантною вещью. Восторгу его не было предела. Он гордился своей шубой и, о чем бы ни рассказывал, всегда о ней упоминал. Он не говорил просто: “Я пошел туда-то”, а прибавлял: “Я надел шубу и пошел”, “Я снял шубу и вошел”*»¹⁸.

Неизвестный художник. *Портрет неизвестного в цилиндре на фоне пейзажа. Холст, масло. 1830-е годы. Государственный музей А.С. Пушкина. Иллюстрация из альбома «Мода пушкинской эпохи» (М., 2015)*

В.И. Гау. *Граф Николай Владимирович Адлерберг. 1847 год*

Преподаватель Московского университета Иван Михайлович Снегирев, учительствовавший и в гимназии Императорского Воспитательного дома, где вел уроки русской словесности, посетив портного, записал в дневнике (1821): «*Ходил к Флорье, заказал сделать из его сукна фрак, сюртук, панталоны, жилетку. Дорого все, что делать! Придется платить трудовые свои денежки*»¹⁹.

В 1850 году 24-летний Михаил Евграфович Салтыков находился в Вятке под надзором полиции. Служил он советником при губернском правлении, получал весьма скромное жалованье и постоянно нуждался в деньгах. При этом, имея «*страстишку пофрантить*»²⁰, заказывал туалеты в Петербурге — естественно, в долг, надеясь на помощь «маменьки». 3 января 1850 года Михаил писал брату Дмитрию: «*Клеменцу (портному. — Т. Р.) долг я заплачу непременно, в особенности если я получу жалованье, как об этом представлено. Я надеюсь тогда к июню месяцу вполне уплатить ему. Лау-ман сапоги мне выслал, и весьма хорошие*»²¹. И тому же адресату ровно через месяц: «*Я очень обрадован, что маменька собралась ехать в Петербург. <...> Так как она теперь, вероятно, в Петербурге, то я прошу тебя, милый брат, убедить ее заплатить долги мои как Клеменцу, так и тебе с тем, чтобы деньги эти вычитать из жалованья*

моего в течение года. Клеменц выслал мне брюки, и я в настоящее время должен ему около двухсот рублей сер. Брюки шиты весьма хорошо, и я благодарю его как за них, так и за кредит. Сделай милость, внуши маменьке, что мои издержки на одежду весьма невелики и что в течение почти двух лет, как я здесь, я сделал себе только фрак, вицмундир, сюртук, три жилета и трое брюк; я думаю, нельзя менее носить платья, если не хочешь ходить как Адам»²². В начале августа те же заботы: «Я писал к Клеменцу, чтобы он выслал мне сюртук, два жилета и брюки; получил ли он письмо мое, не знаю, и намерен ли он шить; не знаю также, заплачено ли ему маменькой что-нибудь долгу, как она это обещала мне, <...> о чем я прошу тебя написать мне, чтобы принять меры, а также сколько именно я должен Клеменцу и Лауману и намерен ли первый выслать мне платье по моему требованию, ибо я нищ и наг и хожу как Тришка — с протертыми рукавами, так как сюртуку моему скоро исполнится два года, и он скоро начнет говорить»²³.

В царствование Николая I чиновников строго обязывали носить на службе форменную одежду. Известна история посещения императором 24 апреля 1833 года губернского правления в Петербурге: «При возгласе “Государь!” всё засуетилось и растерялось, а небритое и неформенное попряталось друг за друга и по разным углам. Губернский прокурор Мейер — личность характерная, бывший в некотором роде для канцелярий гоголевским значительным лицом, — умалился до минимума.

— Это был в свое время гроза канцелярий, — говорил о нем современник события Ф.И. Давыдов, служивший много лет в камере (помещении. — Т. Р.) прокурора.

Мейер явился в этот день на службу в пестрых брюках и жилете, чего в то время не допускалось, особенно среди начальствующих лиц. Неудивительно, что этот Юпитер (кавалер Св. Владимира 4-й степени) потерялся: впопыхах, отыскивая глазами укромное местечко, куда бы стушеваться с глаз государя, прокурор заметил платяной шкаф, в который вешались пальто и шинели служащих в его камере, быстро юркнул туда и, притворяя за собой дверцу, дал своим подчиненным надлежащее приказание на случай вопроса о нем со стороны государя. <...>

Войдя в камеру прокурора, государь спросил:

— Что тут такое?

— Камера прокурора, ваше величество! — ответили ему.

Модная картинка из журнала «Молва».
1831 год. № 29

— А где же прокурор?

— Отправился в тюрьму по делам арестованных!

Можно вообразить себе положение ока закона в шкафе в это хотя и краткое время. Что если бы государю ненароком вздумалось заглянуть в помещение губернского прокурора? Ввиду такого пассажа и явного обмана око могло улететь в солдаты <...> или прогуляться по Владимирке (иносказание, означающее: отправиться в ссылку по дороге из Москвы во Владимир. — Т. Р.). <...> Подчиненные его, вроде Ф.И. Давыдова, много лет скрывали от посторонних о путешествии их грозного начальника в шкафу»²⁴.

Вернемся, однако, к проблемам М.Е. Салтыкова-Щедрина. Получив назначение на должность советника губернского правления, он был обязан позаботиться о своем форменном платье. В письме от 26 августа 1850 года Михаил Евграфович просит брата: «Так как мне необходим мундир, то будь так добр, скажи Клеменцу, не может ли он сделать мне и выслать так, чтобы он

Модная картинка из журнала «Галатей». 1829 год. № 7

был в Вятке 1 октября <...>, деньги же я вышлю при первом получении советнического жалованья. Ради Бога, любезный друг, не оставь меня в этом случае, потому что, несмотря на кажущуюся щедрость маменьки, я весьма часто сижу по целым месяцам без гроша»²⁵. И в сентябре опять: «Уведомь меня, сделай милость, возможно ли исполнение моих просьб относительно платья, мундира, <...> я в настоящее время совершенно обновился платьем»²⁶. Через месяц: «Что же касается до Клеменца, то он бессовестно солгал тебе, сказав, что выслал уже платье ко мне; я ничего не получал и нахожусь теперь в самом критическом положении, почти не в чем ходить. Вероятно, он забыл даже, что я ему заказывал, и оттого лжет. Сделай милость, понуди его к высылке вещей, а именно: сюртука, двух брюк (черных и цветных) и двух жилетов (белого и цветного), а также мундира, с которым без наблюдения будет та же история, что и с прочим платьем»²⁷. В начале ноября писатель дождался части своего заказа: «Вскоре после твоего

письма я получил от Клеменца платье, но не мундир, которого я жду не дожусь и не знаю, как мне быть 20 ноября, когда все чиновники являются к начальству в мундирах. Если тебе не затруднительно, сделай милость, потрудись зайти к Клеменцу и понудить его к высылке»²⁸. 18 ноября: «Клеменц просто несносный лгун, который оставляет меня о сю пору без мундира, между тем он беспрестанно мне нужен, потому что в губернном правлении весьма часто бывают чрезвычайные заседания и я бываю вынужден выходить из присутствия. Платье я действительно получил, но не мундир, и если он действительно его выслал, то пусть пришлет квитанцию почтамта для вытребования. Впрочем, все это ложь, и я уверен, что он и не думал его высылать. Все это тем более досадно, что 20-го числа парад, и я не в состоянии принять в нем участие без мундира, что может подать повод к различным сплетням, для меня обидным»²⁹. И так далее, и так далее — переписка эта насчитывает десятки страниц.

Обращение М.Е. Салтыкова-Щедрина к столичному портному объясняется отсутствием хороших мастеров в провинции. Хотя в ряде губернских и некоторых уездных городах к 1840-м годам возникла сеть модных магазинов и обосновались модистки, качество местных изделий оставляло желать много лучшего. Например, в Харьковской губернии, по свидетельству современника, «во всех почти городах есть <...> модистки и женские портнихи; но ничего порядочного сделать не могут и берут за свои дурные работы очень дорого»³⁰. Тверская дворянка сокрушалась: «В Волочке <...> дурно шьют, уж четыре платья испортили»³¹.

Да, шили тогда в провинции плоховато. И не только шили. Так, по поводу состояния самарской ремесленной промышленности в середине XIX века отмечалось, что она «не представляет ничего особенно замечательного ни по достоинству изделий, ни по объему производства. <...> Почти все ремесленники в Самаре занимаются изделиями низших сортов. <...> Количество и особенно качество произведений ремесленной промышленности по некоторым родам не вполне удовлетворяет местным потребностям и делает необходимым ввоз ремесленных изделий из других мест»³².

Что же касается неумения провинциальных портных шить, то оно в значительной мере являлось следствием поистине

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

бедственного положения учеников и подмастерьев, скорее эксплуатируемых, чем обучаемых профессии. Вот описание ситуации в Великом Новгороде: «Нельзя не припомнить здесь кстати о жалкой участи <...> учеников, находящихся в ученье у наших невежественных мастеровых. Известно, что если Петербург чихнет, то все провинции наперерыв сочтут своею священнейшею обязанностью пожелать ему доброго здоровья; так и в то время, когда появилась мода в Петербурге заниматься осмотром ремесленных заведений, то и у нас произвели им однажды ревизию и нашли, чего и следовало было ожидать, много злоупотреблений, гадости, грязи, жестокого, бесчеловечного обращения и пр., <...> а потом, как всегда водится, все снова поприутихло и пошло своим порядком по-прежнему; бедные мальчики терпят жестокие побои, голод и холод, а об ученьи их хозяева весьма мало заботятся. Неудивительно после того, что из них выходят отъявленные пьяницы, плуты, делающие все как-нибудь, на авось, да подороже. Кроме того, немцы-ремесленники захватили почти повсюду городскую промышленность в свои руки, наживают себе дома и капиталы, а русские мастера находятся у них в работах и нищенствуют»³³.

В свое время проблемы отечественной мануфактурной промышленности изучал

В.И. Гау. Портрет неизвестного молодого человека в клетчатом жилете. 1847 год. Государственный исторический музей

Портрет денди в сюртуке.
1830-е годы. Иллюстрация из альбома
«Мода пушкинской эпохи»

химик-технолог Модест Яковлевич Киттары (1825–1880), отмечавший: «Принимая к себе учеников, <...> редкий из цеховых настолько честен, чтобы смотреть на него не как на своего работника. Здесь личный интерес хозяина впереди всего, в особенности когда он не получает за ученика никакой платы, и, говоря по совести, за весьма немногими исключениями в нашем русском цеху нет учеников, а есть молодые неопытные работники, об обучении которых никто не заботится; учишь и перенимаешь как знаешь; подмастерье — сам рабочий человек и учит ему некогда, да и материал хозяйский, за порчу которого взыскивается. И, таким образом, по окончании срока от цехового выходят или недоучки (недоросли), знающие часть ремесла, которой постоянно занимал их хозяин, или самоучки, если и научившиеся чему-нибудь, то благодаря русской сметливости. <...> В самом деле, существует ли в мастерских наших ремесленников какой-нибудь правильный, обдуманый метод обучения? Нет. Имеет ли место порядок: приучив ученика последовательно к той, другой и т. д. части ремесла в первые два-три года, ставить его на полное дело в последние годы, так чтобы он умел из первоначального материала произвести изделие? Нет. Ученик ставится на самую младшую работу, в которой и оста-

НРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

ется, несмотря на успехи, без дальнейшего обучения и всякого срока, пока не сменится другим новобранцем»³⁴.

Колоритное описание Перми середины XIX века оставил Павел Иванович Мельников-Печерский. Приведем фрагмент, касающийся нашей темы: «Наряды в Перми неизысканны; впрочем, картинки журнальные и здесь соблазняют дам и девиц. Зато наряды дамские здесь не так убыточны, как в других местах: в Перми дама, съездив один раз на бал, не бросит нового платья, но выезжает в нем еще несколько раз, даже до тех пор, пока оно не износится совершенно. Этим вознаграждается дороговизна материй, употребляемых для дамских нарядов. Дороговизна необыкновенная: аршин тюля средственной доброты стоит <...> 8 руб., аршин атласа — 10 руб. асс. Впрочем, пермские красавицы чрезвычайно редко одеваются в тюль, в атлас и в бархат; дешевенькая кисея, за штуку которой платят рублей 15—20 асс., считается щегольской материей. Безвкусице и здесь заметно: нередко можно встретить в пермской гостиной даму в каком-нибудь красном платье с белыми или зелеными фалборами (род отделки. — Т. Р.) или в зеленом платье с желтым шарфом — настоящая яичница с луком!»³⁵

Проблемы возникали и с таким важным для России предметом одежды, как шуба. Николай Михайлович Карамзин, хлопотавший в Москве о покупке шубы для брата — симбирского помещика, в конце лета 1798 года извещал родню: «Спешу уведомить вас о мехах. Медвежьи стали гораздо дороже, так что за хороший надобно дать не менее 350 рублей. Есть генотовые (енотовые. — Т. Р.) и волчьи, которые не так дороги; можно иметь хороший мех рублей за 200»³⁶. Месяц спустя покупка была совершена: «Спешу отправить к вам посылку. Купил вам шубу медвежьей ровно в 300 рублей; кажется, что не тяжела, не подкрашена и вся из одинаких медведей. Желаю, чтобы вы были ею довольны. По нашему климату всего лучше медвежья шуба; волчья не надолго, генотовая не так тепла»³⁷. А вот что сообщал сестрам в 1847 году А.В. Сухово-Кобылин из Томска: «Маменька просит привезти вам меха, она воображает, что можно что-нибудь купить в Томске. Тут ничего нет. Я в большом затруднении, отыскивая себе “доху” — просто сибирскую “шубу” — предмет, которым здесь пользуются все, и между тем я не нахожу того, что мне нужно. Меха здесь вообще гораздо

дороже, чем в Москве. Они скупаются прямо на местах у туземцев и непосредственно отправляются в Москву, в Петербург или на ярмарки. Чтобы получить что-либо хорошее, нужно заказывать за год вперед и все-таки с риском быть обманутым»³⁸.

Еще одна беда России того времени — неблагополучие в сфере городского благоустройства. В Москве «грязи и навозу на улицах, особенно весной и осенью, было весьма достаточно, так что пешеходы теряли в грязи калоши, а иной раз нанимали извозчика специально для переправы на другую сторону площади»³⁹. В других городах империи дело обстояло еще хуже. Прибывший в Екатеринодар юнкер Бутырского полка

Е. Самокиш-Судковская.
Иллюстрация к роману А.С. Пушкина
«Евгений Онегин»

Дмитрий Иванович Никифоров впоследствии вспоминал: «В Екатеринодар, столицу Кубанского войска, вступили мы в один солнечный день конца марта. По улицам идти было невозможно! Грязь выше колен не позволяла переходить поперек улицы. <...> Никакая лошадь не могла бы вытащить не только нагруженную телегу, а тем более казенную фуру, но пустопорожнюю бричку из липкой грязи екатеринодарских улиц. <...> В случае крайности в арбу запрягали пару волов и двигались на них черепашьям шагом или ехали верхом по тропинкам. Вечером мне пришлось переходить улицу к товарищу, жившему напротив меня, на противоположной

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

Модная картинка из журнала
«Московский наблюдатель». 1836 год

стороне. Надев большие походные сапоги выше колен, я храбро двинулся в поход, но чем далее я подвигался, тем более увязали мои ноги, наконец с большим усилием, погружаясь чуть не до пояса в клейкую грязь, я выбрался на противоположную сторону. Взойдя в комнату с пудами грязи на ногах, я приказал денщику снять с меня сапоги, желая очистить их от прилипшей грязи. Вообразите мое удивление! Сапог не оказалось»⁴⁰. О каких, спрашивается, модных панталонах и фраках могла в подобной ситуации идти речь?

Даже в конце века, несмотря на заметное улучшение условий городской жизни, вопрос продолжал оставаться актуальным. Так, один из дамских журналов наставлял своих читательниц: «Осенью у нас элегантной женщине так же трудно одеваться по моде, как красавице уловить ту едва заметную грань, которая отделяет ее первую молодость от второй. Вечно хмурое небо, дождь, грязные тротуары, мокрые сиденья извозчицких пролеток. Нужны галоши, зонтики, короткие теплые юбки, а моды, эти

беспощадные парижские моды, присылают картины с костюмами из светлых тонов. <...> Хороша только та мода, которая гармонирует не только с телосложением, типом лица и возрастом женщины, но и с окружающей обстановкой. Для нашей осени идут исключительно темные оттенки, все равно какого цвета»⁴¹.

Ну и наконец, безупречный костюм требовал от его обладателя соответствующей манеры поведения. Это требование не всегда удавалось выдерживать представителям нарождающегося купечества. В.В. Селиванов около 1830 года наблюдал в Старом Осколе такие сценки: «За кладбищем была <...> довольно обширная роща под названием Горняшка. В праздничные дни <...> Горняшка служила сборным местом городских обывателей. Разряженные женщины или туда подышать лесным воздухом, а еще вернее — чтоб себя показать и других посмотреть, а мужчины или только посмот-

Модная картинка из журнала «Галатеея».
1829 год. № 19

реть на кулачные бои или принять в них участие. Страсть к кулачным схваткам была очень развита тогда между купечеством, мещанством и обывателями пригородных слобод. В Горняшке в продолжение всей Святой недели и по воскресеньям и праздникам во все лето происходили бои стенками. По большей части с одной стороны выходили жители слобод, с другой — горожане. Не раз случалось видеть какого-нибудь щеголевато

одетого по-европейски молодого купчика, идущего в Горняшку. На нем круглая широкая шляпа, лайковые перчатки и трость в руке. Он поигрывает ею, как истинный джентельмен. Сначала он только зритель происходящего перед ним ратоборства, но ведь сердце не каменное, и в жилах его не вода. Закипит ретивое, и он, бросив свою джентельменскую тросточку, как сумасшедший бросается в свалку»⁴².

¹Селиванов В.В. Предания и воспоминания. СПб., 1881. С. 222.

²Там же. С. 259–260.

³Там же. С. 292.

⁴Письма М.А. Лопухиной к баронессе А.М. Хюгель // Российский архив. Вып. 11. М., 2001. С. 238.

⁵Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. Письма 1802–1820 гг. М., 2010. С. 624.

⁶Цит. по: Искусство хороших манер. Советы и наставления. СПб., 1995. С. 81.

⁷Там же. С. 170–171.

⁸Там же. С. 81.

⁹Современник. 1848. № 12. С. 15.

¹⁰Там же. № 8. С. 5.

¹¹Там же. № 12. С. 15.

¹²Вельтман А. Повести и рассказы. М., 1979. С. 298–299.

¹³Григоревич Д. Похождения Накатова, или Недолгое богатство // Современник. 1849. № 7–8. С. 191–192.

¹⁴Современник. 1849. Т. XV. № 6. С. 3–4.

¹⁵Там же.

¹⁶Там же. Т. XIII. № 2. С. 5–6.

¹⁷Письма М.А. Лопухиной... С. 255.

¹⁸Нижний Новгород середины XIX века в воспоминаниях сенатора М.П. Веселовского // Записки краеведов. Вып. 14. Нижний Новгород, 2013. С. 168.

¹⁹Дневник Ивана Михайловича Снегирева. Ч. 1. 1822–1852. М., 1904. С. 8.

²⁰М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1975. С. 312.

²¹Салтыков М.Е. (Щедрин Н.). Полное собрание сочинений. Т. 18. Кн. 1. М., 1937. С. 48.

²²Там же. С. 49.

²³Там же. С. 60.

²⁴Студеникин Г.И. Император Николай Павлович в присутственных местах Санкт-Петербурга // Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. Т. 2. М., 2000. С. 104–105.

²⁵Салтыков М.Е. (Щедрин Н.). Указ. соч. С. 61.

²⁶Там же. С. 63.

²⁷Там же. С. 64.

²⁸Там же. С. 64–65.

²⁹Там же. С. 66.

³⁰Руденко Т.В. Модные магазины и модистки Москвы первой половины XIX столетия. М., 2015. С. 263.

³¹Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб., 2014. С. 334.

³²Земледельческая, ремесленная, заводская и торговая промышленность города Самары // Журнал Министерства внутренних дел. 1854. Ч. 7. № 7–8. Отд. III. С. 52–56. В статье приводятся сведения за 1852 г.

³³Прогулка по Новгороду и его окрестностям. Составил И. К—в. Новгород, 1862. С. 151–152.

³⁴Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета ординарным профессором Модестом Киттары 9 июня 1857 года. М., 1857. С. 33–34.

³⁵Мельников П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь. Статья десятая. Пермь // Отечественные записки. 1842. Т. XX. № 3. Смесь. С. 10.

³⁶Карамзин Н.М. Письма к братьям. 1786–1826. Ульяновск, 2013. С. 48.

³⁷Там же. С. 49.

³⁸Письма А.В. Сухова-Кобылина к родным // Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина (так на титуле. — Т. Р.). Вып. III. М.-Л., 1934. С. 224.

³⁹Давыдов Н.В. Из прошлого. Ч. 1. М., 1913. С. 9.

⁴⁰Никифоров Д.И. Воспоминания из времен императора Николая I. Кавказ и Севастополь. М., 2016. С. 67–68.

⁴¹Цит. по: Забозлаева Т.Б. Великая тайна одеваться к лицу. СПб., 1992. С. 161.

⁴²Селиванов В.В. Указ. соч. С. 325.

Ирина Рудольфовна Монахова

На книжной ниве

О библиотечном деле в Москве

После революции в России деятельно воплощалась идея создания сети общедоступных библиотек¹. Так, если взять Москву, то в 1920 году здесь за счет национализации частных книжных собраний появилось 143 публичные библиотеки, в 1921-м — 205 (до революции в городе насчитывалось лишь 97 книгохранилищ, более трети которых являлись платными²). Наглядным примером тенденции является

одно из постановлений Совнаркома (1919) об «ассигновании Народному комиссариату по просвещению 236 960 рублей на организацию местных библиотечных комитетов»³. В ходе этой кампании в Рогожско-Симоновском (позже — Таганском, Ждановском) районе Москвы открылись две библиотеки имени В.Г. Белинского.

Одна из них располагалась на углу проезда Рогожского Кладбища (впоследствии — Ро-

гожский Поселок) и улицы Смирновская, рядом с заводами и мастерскими. Время ее возникновения относится, вероятно, к 1917–1920 годам, когда общее количество публичек здесь активно увеличивалось. Отметим, что, по данным за 1925 год, в Рогожско-Симоновском районе действовало уже 56 библиотек: 33 стационарных и 23 передвижных⁴. В беспокойное послереволюционное время это место изобиловало беспорядками, преступниками; формирование культурно-просветительских учреждений призвано было способствовать оздоровлению нравов⁵. До начала XX века на территории района отсутствовали водопровод, канализация. «Рабочие жили в тесноте казарм, барачных, коечно-каморочных квартир. <...> Вся “сеть” народного образования <...> ограничивалась начальными школами и одной библиотекой-читальней при чайной у Спасской заставы»⁶. Очевидно, усилия советского правительства в данном направлении не пропали даром, поскольку спрос на книгу по стране «вырос с 1922 г. на 233%»⁷.

Точная дата создания «Белинки» (как ее звали в народе) неизвестна. В ряде современных справочников⁸ указывается 1938 год, но без какого-либо документального обоснования, так как многие материалы по данному вопросу утрачены в годы Великой Отечественной войны. Сейчас трудно сказать, почему она получила имя в честь легендарного критика; вероятно, это произошло на волне популяризации новой властью наследия русских революционных демократов XIX века. Но получилось символично, ведь улица Рогожский Поселок пролегает рядом с Нижегородской в ее начале (недалеко от перехода в Таганскую улицу). Это бывший Рязанский тракт, по которому в августе 1829 года в Москву впервые въезжал прибывший из Пензенской губернии 18-летний Виссарион Белинский.

Библиотека находилась в одноэтажном кирпичном доме, построенном в форме буквы «Г», заняв помещение каретного сарая (в стесненных жилищных условиях Москвы 1920–1940-х годов случалось, что небольшие библиотеки устраивались даже в сырых подвалах или холодных бараках, а передвижные — в бывших торговых лавках). Поначалу учреждение, украшенное гипсовым бюстом В.Г. Белинского, состояло из двух отделений — детского и взрослого. Позднее они превратились в самостоятельные библиотеки, а народное

прозвание «Белинка» сохранялось за обеими. Автономным детский сектор стал «15 ноября 1937 года, <...> получив отдельное помещение»⁹. В 1945 году ему как независимому библиотечному учреждению присвоили № 60, в 1961-м — № 79. В середине 1960-х детская «Белинка» переехала на 3-ю Институтскую улицу в том же Ждановском районе, в новый квартал только что построенных пятиэтажек недалеко от Рязанского проспекта. Взрослая же библиотека до середины 1940-х числилась под № 62, потом под № 81, а с 1961 года — под № 136. В 1940–1960-х годах ею заведовала Елена Ивановна Стеханова. В одном из отчетов (1969) за ее подписью говорится, что библиотека № 136 приняла 4807 читателей; штат из пяти сотрудников организовал 80 книжных выставок; само учреждение занимает 163 квадратных метра, имеет один читальный зал и три передвижки; фонд насчитывает 38 997 книг и журналов¹⁰.

* * *

В ранних свидетельствах москвичей «Белинка» не делится на детскую и взрослую, так как поначалу это деление имело все же чисто формальный характер. Из относящихся к 1940-м годам воспоминаний библиотекаря Зинаиды Ивановны Зайцевой: «Библиотека даже во время войны не закрывалась. Сюда приходило множество детей, эвакуированных из блокадного Ленинграда. Они приходили даже больше чтобы погреться, чем чтобы почитать книги. Дети вместе со взрослыми носили дрова для печки».

«Центральное место в работе [московских] библиотек за 1942 год занимало обслуживание книгой раненых бойцов и командиров в госпиталях. Всего было обслужено 72 госпиталя с количеством читателей 60 339. Выдано 546 943 книги. С целью большего охвата раненых широко было развернуто книгоношество по палатам»¹¹. Такую трудовую вахту несли и сотрудники «Белинки», хотя было их тогда только трое. В 1941 году зафиксировано 13 807 посещений абонемента и 7052 — читального зала¹².

В 1944 году московские «библиотеки, не имеющие передвижных фондов, широко информировали о своей работе близлежащие предприятия, мастерские и артели. Через объявления в столовых, общежитиях, школах ФЗО организовали запись молодежи в библиотеку. Так, библиотека

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

Библиотека № 81 («Белinka») Ждановского района (ныне – Таганский).

Фотографии 1959 года

Плакаты

Уголок самообразования

Библиотекарь Валентина Ивановна Хренкова составляет план чтения

Заведующая библиотекой Елена Ивановна Стеханова (вторая слева)

Производственное совещание в библиотеке № 81

Обсуждение книг с читательским активом

№ 62 Таганского района (взрослое отделение «Белинки». — И. М.) связалась с заводом № 2 и привлекла 36 человек <...> от 14 до 16 лет¹³. В 1945 году сотрудники библиотеки № 62 провели масштаб-

ный сбор задержанных книг, сведя задолженность к минимуму¹⁴. Участвовали библиотекари и в подготовке к выборам в Верховный Совет СССР (1946). «Особое внимание было уделено работе с мо-

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

*Библиотека № 123
на улице
Рогожский Поселок, 5*

лодыми избирателями. <...> Т. Волкова (библиотека № 62), работая в поселке Смирновка среди молодых избирателей, прочитала им “Просто любовь” В. Василевской, “Рожденные бурей” Н. Островского, “Последние дни Лизы Чайкиной” Горбунова и большое количество статей из журналов и газеты “Комсомольская правда”»¹⁵.

Мирное время в жизни «Белинки» описывает москвич Игорь Алексеевич Базавлук: «Меня записали в библиотеку в 1946 году, я был ее читателем до 1960 года. <...> В библиотеке был удобный читальный зал, и учащиеся ближайших школ (№ 459, 481 и 640) во время учебного года писали здесь сочинения, а летом читали литературу по интересам — например приключенческую (книги Жюль Верна, Майна Рида) и про войну. На стене были стенды с наглядными материалами: рекомендуемая литература, фотографии героев-пионеров и комсомольцев и т. д. В “Белинке” организовывались встречи писателей с читателями и другие мероприятия».

Надежда Викторовна Рогожина, родившаяся в Таганском районе, вспоминает: «<...> еще в школьные годы <...> помогала библиотекарям, а иногда, например в обеденный перерыв, заменяла их на рабочем месте. Во время учебы в институте пользовалась только этой библиотекой. Я хорошо знала ее заведующую Елену Ивановну Стеханову. В “Белинке” в конце 50-х — начале 60-х годов работали библиотекарями также две мои приятельницы — Валентина Ивановна Хренкова (моя

соседка по дому) и Зинаида Георгиевна Ашарина (жившая на Таганке). Юношеский опыт работы в “Белинке” определил и мою дальнейшую профессиональную биографию, которая вся связана с московской библиотечной системой. <...> Живя по соседству с “Белинкой”, на улице Рогожский Поселок, я была постоянной читательницей ее до конца 1960-х годов, когда ее г-образное кирпичное здание, стоявшее на углу, снесли».

После этого библиотека переместилась в новый дом на той же улице. Ныне ей присвоен № 123. Прежнее свое народное прозвание, сегодня сохранившееся в памяти лишь немногих, «Белинка» практически утратила.

* * *

По другую сторону Нижегородской улицы, по Сибирскому проезду, 6, с конца 1910-х годов (точная дата основания, опять же, неизвестна) существовала и другая библиотека имени В.Г. Белинского — № 85. Располагалась она в небольшом деревянном одноэтажном здании (не сохранилось). В 1930-х годах библиотека уже носила имя великого критика, а до этого, согласно документам 1920-х годов, именовалась в честь А.И. Герцена. Здесь также имелись детское и взрослое отделения¹⁶, работали кружки библиотекведения, политграмоты, драматический, читались лекции на различные темы¹⁷. В дополнение к формальным отчетам о профессиональной деятельности любопытные факты содержит не лишняя горькой иронии докладная записка от 12 декабря 1923 года,

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

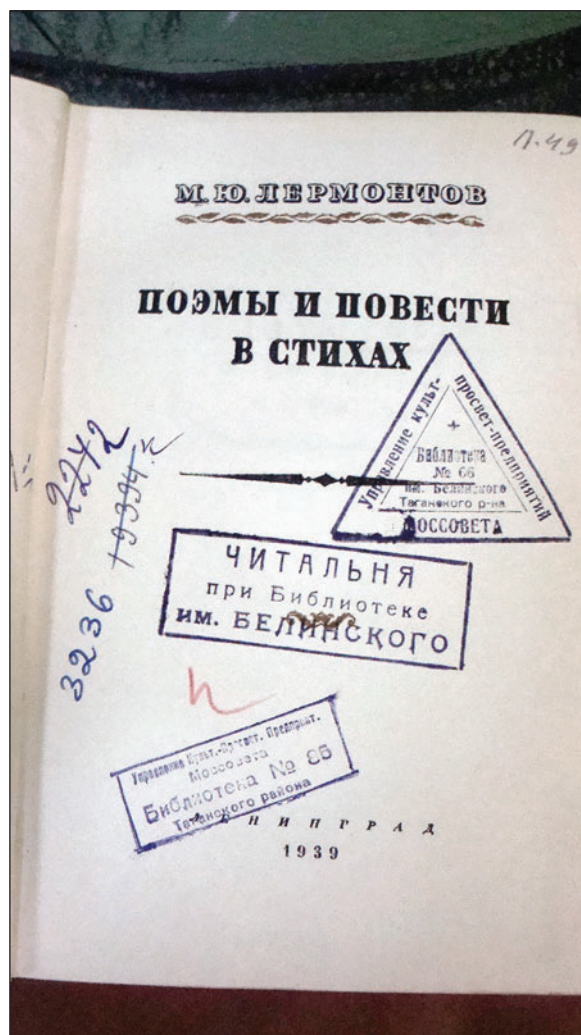
поданная библиотекарем Я. Вишневской администрации Рогожско-Симоновского района: «Работа заведующей <...> — целый рабочий день прогуливаться по городу, или, если нет желания для прогулки, то к ее услугам печка — и начинается стряпня на целый день. <...> К треску печи часто присоединяется шипение примуса; благоухания кухни, шум, чад и копоть создают домашний уют. К довершению картины — грязная и закопченная [посуда] красуется на видных местах. <...> От массы крошек и всяких сыпучих тел нельзя избавиться никакой [чисткой] — они попадают всюду и даже среди книг и бумаг. <...> Все свидетельствует о чистоте и уюте: сырые и вареные продукты кухни помещаются что по углам, что в шкапу вместе с книгами. От мышей нет мочи, они поедают что попало, <...> скоро, пожалуй, доберутся до книг. Чтоб взять из шкапа нужную книгу, требуется известное самообладание, чтоб спокойно выдержать атаку мышей. Заведующая не забывает и о своих земных потребностях, а потому библиотека нередко принимает вид прачечной — со всеми ее парами и лужами. Имея 2 комнаты с широкими дверями, мы не можем двигаться, не спотыкаясь и не задевая что-либо или друг друга. Дрова, привезенные месяц с лишним тому назад, навалены посреди комнаты и не желают убираться на место, в угол; <...> дрова не пилены и не колоты, и топить ими представляет немалый труд»¹⁸. В конце докладной красными чернилами — краткая приписка другого сотрудника, подтверждающая изложенные «факты беспорядка».

О присутствии имени критика в названии учреждения свидетельствуют книжные штампы: «Библиотека им. Белинского», «Читальня при библиотеке им. Белинского», «Управление культпросвет-предприятий Моссовета. Библиотека № 85 им. Белинского Ждановского района», «Отдел массовой политпросвет-работы. Библиотека им. Белинского Пролетарского р-на». Заметим: на штампах не всегда указан номер библиотеки, но обязательно — присвоенное ей имя.

Статистические данные 1941 года показывают, что библиотека пользовалась популярностью среди населения: 3904 читателя посетили абонемент, читальный зал и передвижной фонд в общей сложности 34 306 раз, им было выдано 87 442 книги¹⁹. Во время Великой Отечественной войны

книжный фонд понес значительные потери (что характерно и для прочих московских библиотек), исчислявшиеся тысячами томов²⁰. 1943 год отмечен неудачами в деятельности трудового коллектива, не выполнившего план по причине «отсутствия крепкого руководства»²¹. Однако вскоре (1944) библиотеку имени В.Г. Белинского в Сибирском проезде причисляют к передовым, имеющим «высокие не только качественные, но и количественные показатели»²². Достигнутый уровень работы сохранялся, очевидно, и в последующие годы: в библиотеке нередко устраивались «чтения из газет», уделялось внимание пропаганде научной литературы.

В 1961 году учреждение получило новое название — Массовая библиотека № 138 им. Белинского Ждановского района, а в конце 1960-х переехало по новому адресу: улица Малая Калитниковская, 22, где находится до сих пор. Статистические показатели того периода: читальный зал, 5 передвижек, объем фондов — 25 599 книг и журналов,

Книга 1939 года с библиотечными штампами

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

*Библиотека № 138
имени В.Г. Белинского
в Москве на Малой
Калитниковской улице, 22*

Мемориальная экспозиция, посвященная В.Г. Белинскому

в штате четверо работников; имелся актив из шести и совет из трех человек²³.

В начале 1990-х годов именная табличка таинственным образом исчезла с двери библиотеки и вернулась только по прошествии 20 лет. А к юбилею В.Г. Белинского

(2011 год) здесь появился своего рода музей в миниатюре, посвященный жизни и творчеству великого критика.

*Все современные фотографии
сделаны автором*

¹Крупская Н.К. Централизация библиотечного дела // Правда. 1920. 6 апреля. С. 1.

²ЦГАМО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 187. Л. 43–45.

³Там же. Ф. 66. Оп. 12. Д. 463. Л. 117.

⁴Там же. Оп. 11. Т. 1. Д. 264. Л. 87.

⁵В Рогожско-Симоновском районе // Правда. 1924. 24 апреля. С. 2.

⁶Из истории Ждановского района города Москвы. Краткие очерки. М., 1960. С. 14–15.

⁷ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Т. 1. Д. 2731. Л. 207.

⁸Московские библиотеки. Очерки. М., 1998. С. 163; Библиотеки Москвы. Справочник. М., 2004. С. 111–112.

⁹ЦГАМ. ОХД после 1917 г. Ф. 2279. Оп. 1. Д. 73. Л. 34.

¹⁰Там же. Ф. 429. Оп. 2. Д. 402. Л. 58.

¹¹Там же. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 7. Л. 17 об.

¹²Там же. Д. 5. Л. 12.

¹³Там же. Д. 11. Л. 9.

¹⁴Там же. Д. 17. Л. 9.

¹⁵Там же. Л. 26–27.

¹⁶ЦГАМО. Ф. 972. Оп. 4. Д. 181. Л. 124.

¹⁷Там же. Оп. 1. Д. 221. Л. 113.

¹⁸Там же. Д. 202. Л. 6–7.

¹⁹ЦМАМ. ОХД после 1917 г. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

²⁰Там же. Д. 11. Л. 36 об.–37 об.

²¹Там же. Д. 9. Л. 3 об.

²²Там же. Д. 11. Л. 59 об.–60 об.

²³Там же. Ф. 429. Оп. 2. Д. 402. Л. 60.

Из истории денег в России

К 700-летию рубля

От редакции

Деньги, кроме привычной всем платежной роли, выступают и во множестве других: например, как предмет коллекционирования, объект нравственной критики, образ в искусстве. Редакция «Московского журнала» предлагает взглянуть на отечественные деньги с исторической точки зрения. И обусловлено это не только тематикой издания.

В 2016 году рубль отмечает свое 700-летие — достойный повод вспомнить драматические перипетии в биографии юбиляра. Тем более что их хватало с избытком. Вниманию читателей «Московского журнала» предлагается два очерка. В первом заместитель директора по научно-просветительской работе московского Музея денег кандидат психологических наук И.Р. Федоркова прослеживает основные этапы бытования рубля в системе денежного обращения России с момента его рождения до наших дней. Во втором заведующий отделом нумизматики Государственного исторического музея кандидат исторических наук И.В. Ширяков делится своими размышлениями по поводу юбилея российской национальной валюты и опровергает ряд появившихся на этой волне интернет-материалов, содержащих научно не обоснованную информацию.

РУБЛЬ: ОТ РУСИ ДО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рубль — это первая собственная счетная и весовая единица русского народа, в отличие от предшественницы рубля — киево-новгородской гривны, разновидности которой были и у других славянских народов.

Долгое время рубль не имел носителя в виде одноименной монеты и представлял собой серебряный слиток весом около 200 граммов. Можно условно назвать этот

*Рубль-слиток
(новгородская гривна XII–XIV веков)*

период «слитковым». В безмонетную пору упадка торговли (XII–XIV века), вызванного раздробленностью Руси, княжескими междоусобицами и владычеством Золотой Орды, рубль-слиток участвовал лишь в совершении крупных платежей и служил для накопления богатства.

Со времени возобновления собственной чеканки монет на Руси в XIV веке и вплоть до XVII века рубль выступал мерой веса для изготовления денги¹ и копейки. В 1654 году царь Алексей Михайлович

Первые рубли на Руси появились при Алексее Михайловиче. Их перечеканивали из западноевропейских талеров

повелел перечеканить скопленные в казне западноевропейские талеры в рубли, но те не получили широкого распространения. Только при проведении финансовой реформы Петром I рубль выступил как полноценная монета и стал основой первой в мире десятичной денежной системы (см. помещенную ниже статью И.В. Ширякова «Работа над ошибками». — *Ред.*). После этого «монетный» этап жизни рубля сменился «монетно-банкнотным», когда возникли (1769) ассигнации Екатерины II. Не менее 150 лет наличествовали оба вида рубля — металлический и бумажный.

Последние серебряные имперские рубли были произведены в 1915 году в количестве 600 штук. Их выпустили для раздачи личному составу двух артиллерийских частей, праздновавших столетний юбилей. По мнению нумизмата Рандольфа Зандера, не будь торжественного повода — пра-

«Николаевский» рубль с надчеканом, сделанным в 1930-е годы

вительство не стало бы эмитировать металлический рубль. В начале 1930-х годов экземпляры этой серии обрели грубый восьмиугольный надчекан² «Низложение дома Романовых», сделанный без государственного ведома, частным образом, специально чтобы одурачить доверчивых коллекционеров. После Октябрьской революции чеканка рублей возобновилась на короткий период: первые серебряные советские рубли были отчеканены в 1921 году, последние — в 1924 году. Затем до реформы 1961 года на первый план выступила банкнота, далее монету начали вновь чеканить, но вплоть до распада СССР в производстве монет регулярного

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

чекана не использовали драгоценные металлы — только медно-никелевый сплав. Очередной «монетно-банкнотный» период длится и по сей день, когда рубль играет роль разменной монеты при бумажных купюрах.

* * *

700-летие — весьма солидная дата, учитывая, что до столь почтенного возраста рубль мог не дожить, поскольку как минимум дважды находился под угрозой исчезновения.

Первый раз это едва не случилось в период реализации денежной реформы 1895–1897 годов, в ходе которой в России ввели действовавший до 1914 года золотой стандарт, позволивший свободный обмен кредитных билетов на золото. Организатор и идеолог реформы — министр финансов С.Ю. Витте — хотел изменить название «рубль» на «рус» по аналогии

и нет) свое название, тем не менее наверняка утратил бы национальный статус. План одобрили и некоторые наши соотечественники — Б.А. Бахметьев, бывший русский посол в США, и министр финансов в правительстве адмирала А.В. Колчака И.А. Михайлов. Рубль спас Колчак, который это предложение не принял.

* * *

Традиционно для широкого обращения в дореволюционной России рубль чеканился из серебра, но для подарочного (донативного) фонда императоров, для международной торговли, а также для внутреннего дворцового обихода (в частности, по одной из версий, для картежной игры, к которой Елизавета Петровна и Екатерина II проявляли большой интерес) — из золота. Золотые монеты достоинством в 5 и 10 рублей назывались *полумпериалами* и *империалами* соответ-

«Елисаветин
золотой» —
полумпериал
1755 года

с французским франком. По его распоряжению отчеканили 5 комплектов пробных монет номиналом 5, 10 и 15 русов. Однако император Николай II отклонил новшество, не подписав соответствующего указа.

Во второй раз рублю пришлось сражаться за свое существование в тяжелый послереволюционный период. 28 декабря 1918 года в Лондоне состоялась встреча представителей Англии, Франции, Японии и США по вопросу денежного обращения на «освобожденных» территориях России, где иностранные «благотетели» предложили ввести международную валюту — интернациональный рубль. В результате этого мог наступить полный контроль зарубежных стран над финансами России; рубль же, сохранив (а возможно,

стменно из-за надписи на реверсе «Имперская российская монета» и в ознаменование их более весомой позиции по отношению к серебряным деньгам регулярного чекана. Также использовалось наименование *золотой* — по надписи на монете «Елисаветин золотой».

Материалом для изготовления рубля некоторое время служила и медь, применявшаяся для этих целей в России при Екатерине I и Екатерине II. Однако попытки означенных правительниц сделать ставку на медь успехом не увенчались. Их проекты различались по характеру: первый предполагал введение медных рублей в широкое обращение, второй — оптимизацию банковского хранения меди, предназначенной для обеспечения бумажных денег.

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Медные монеты-платы оказались неудобными и невыгодными

Замысел создания плиточных денежных единиц в России принадлежал Петру I, но делу был дан ход только после смерти императора. Прототипом медных рублей-лат (плиточных денег) явились аналогичные монеты Швеции, где ими пользовались достаточно долго (1644–1776) в отличие от России. Монеты-платы производились ввиду нехватки серебра и с целью сохранения стабильной цены на медь, имевшуюся в достаточном количестве. Плиточные деньги чеканились на Екатеринбургском монетном дворе дважды — в 1725 и 1726 годах, для чего пригласили шведского мастера Дейхмана. Внешне такой рубль напоминал своего скандинавского собрата: в углах выбивались государственные гербы, а посередине в круге указывался номинал, год выпуска и место чеканки. Монеты-платы были очень тяжеловесные: например, первый шведский экземпляр весил около 20 килограммов, российский — 1,638 килограмма. Прежде всего из-за своей массивности платы не прижились в России, несмотря на государственные указы. Купцы, крестьяне, служилые люди привыкли иметь дело с легким платежным средством (долгое время на Руси мелкие деньги вообще носили за щекой). Вскоре правительство осознало, что внедрять новинку невыгодно, платы переплавили в традиционную круглую монету, доход от которой оказался значительно выше.

Еще одним экспериментом стала чеканка во времена Екатерины II медного

килограммового рубля — сестрорецкого. Поскольку для обеспечения бумажных денег были определены медные монеты, встал вопрос об удобстве банковского хранения последних — не в виде набитой в мешки мелочи, а крупными дисками. Мастера монетного двора при Сестрорецких оружейных заводах несколько лет резали заготовки для монеты из штыковой меди³ на построенной по сему случаю водяной мельнице, но вставленные в раму пилы перегревались и деформировались, отчего полученные изделия имели неровную поверхность. Применить литые заготовки тоже не удалось: они требовали слишком трудоемкой и дорогостоящей ручной обточке. Не задалось и гурчение — тиснение надписи на кромке диска посредством разъемных колец. Эти безуспешные попытки продолжались с 1770 по 1778 год. Единственный подлинный сестрорецкий рубль стал известен только в 1823 году, но на Петербургском монетном дворе уже давно хранились его штемпели, которыми по заказам желающих чеканили рублевики обычного

Сестрорецкий медный рубль

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

размера. Имя императрицы на монетах отсутствовало, из-за чего они прослыли «пугачевскими».

Оригинальным явлением в истории мирового денежного обращения можно назвать чеканку в 1828–1845 годах в России государственной платиновой монеты достоинством 3, 6 и 12 рублей. «Интересантами» здесь выступили заводчики Деми-

мянутым выше олимпийским), выпуск которых приурочен к круглым датам или важным событиям в жизни страны. В кошельках такие монеты водятся редко. Для них характерно использование драгоценных металлов и небольшой тираж.

Первой русской памятной монетой считается полуимпериял, выпущенный в 1832 году в Санкт-Петербурге «в честь начала

«Пугачевский»
рубль

довы, на рудниках которых с 1820-х годов добывалось много платины, не находившей применения в промышленности. Используя знакомства в высших кругах, Демидовы добивались восстановления чеканки платиновой монеты и позже, однако у них ничего не вышло. В 1980 году

чеканки монеты из золота Колывано-Воскресенских приисков». Внешний вид монеты оставался стандартным, добавлялась только памятная надпись. Через два года оформление памятных монет стало разрабатываться специально. Чеканка таких монет была связана с увековечением подвига рус-

Платиновая
монета
достоинством
12 рублей

в СССР к московской Олимпиаде были выпущены советские рубли из серебра, золота и платины, а в 1988-м — из палладия.

* * *

Монеты регулярного чекана обычно делают в больших количествах для активного их участия в денежном обращении государства. Совсем другое назначение имеют памятные монеты (подобные упо-

ского народа в Отечественной войне 1812 года. Всего в России до Первой мировой войны было выпущено 13 памятных монет. Затем более чем на полвека об этой традиции забыли и вспомнили лишь накануне 20-летия Победы над фашистской Германией. С тех пор появилось много серий памятных монет: «Древние города России», «1000-летие России», «850-летие основания Москвы», «Россия на рубеже тысячелетий»,

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

*Рубль,
отчеканенный
к 20-летию Победы*

«300-летие основания Санкт-Петербурга», «Дионисий», «Андрей Рублев», «Русский балет», «Выдающиеся личности России» и другие. В 2010 году Центральный банк Российской Федерации отмечал 150-летие со дня основания. Солидная дата потребовала не менее солидного «подарка» юбиляру, поэтому вес соответствующей золотой моне-

Российской империи, России при Временном правительстве, РСФСР, СССР.

В категории памятных монет условно выделяются «семейные» — посвященные различным эпизодам частной жизни представителей царской династии. Подобных образцов в отечественной нумизматике немного, но тем они ценнее: траурный

*Рубль, выпущенный
к 300-летию
дома Романовых*

ты составил 5 килограммов, а тираж — всего 50 экземпляров. На аверсе⁴ гиганта изображены император Александр II, в царствование которого был учрежден российский Госбанк (1860), и первые управляющие банком — А.Л. Штиглиц и Е.И. Ламанский; на реверс вынесены государственные гербы

рубль (1725) с профилем Екатерины I, чей облик (домашнее платье, отсутствие регалий) выражает скорбь по умершему супругу — Петру Великому; свадебный рубль (1841) в ознаменование бракосочетания наследника престола Великого князя Александра Николаевича; коронационные рубли

*Пятикилограммовая
золотая монета
в 50 000 рублей,
выпущенная
к 150-летию
Центробанка
Российской
Федерации*

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

*1,5 рубля / 10 злотых
Николая I —
монета необычная
и по номиналу,
и по оформлению*

Александра III и Николая II; серебряный рубль, выпущенный в год 300-летия дома Романовых (1913), с изображениями царя Михаила Федоровича и императора Николая II.

Среди «семейных» монет особо выделяется полторарублевик Николая I, необычный по номиналу и художественному оформлению. В 1835 году на глаза российскому министру финансов Е.Ф. Канкрину попался немецкий конвенционный талер⁵ с изображением короля Баварии Людвига I и членов его семьи. Талер настолько понравился министру, что он решил создать подобную монету в подарок царю, зная исключительную нежность последнего к супруге и детям. На аверсе отчеканили профиль императора, на реверсе — изображения Александры Федоровны и детей: Александра, Константина, Михаила, Александры, Марии, Ольги. Николай I монете обрадовался, но написал на докладной Е.Ф. Канкрину: «Весьма благодарю: сходство есть в старших двух дочерях и в старшем сыне, но жена похожа на покойную матушку». В 1836 году был изготовлен другой штемпель и отчеканен еще один вариант. Профиль Александры Федоровны получил здесь улучшенную отделку,

а портреты детей лишились обрамлений в виде кружков.

Следующий важный вид рубля — инвестиционный. Он предназначен для накопления и сбережения активов, и его в любой момент можно обменять на наличные деньги сообразно с текущей стоимостью драгоценного металла, из которого монета изготовлена. Такие экземпляры коллекционерами ценятся гораздо ниже, чем памятные денежные знаки, поскольку первые выпускаются большей частью с упрощенным рисунком и нейтральной темой, а также в значительных количествах, подобно монете «Георгий Победоносец», чеканящейся с 1996 года в золотом и серебряном вариантах.

* * *

Несколько слов о «денежном фольклоре».

Из заметки в газете «Петербургский листок» от 24 января 1915 года: «Среди клубных, беговых и других игроков прошел слух о счастливом рубле с подписью кассира Брута, который недавно в припадке умопомешательства покончил счеты с жизнью. Этот слух, моментально облетевший столицу, был вызван, как предполагают, крупным выигрышем, который выпал на до-

*Счастливый рубль
с подписью
кассира Брута
весьма ценится
азартными людьми*

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

лю игрока, поставившего на такой рубль». Страстный картежник Брут решился на роковой поступок, проиграв крупную сумму казенных денег. Однако среди поклонников азартных игр, склонных к суевериям, началась самая настоящая охота за кредитными билетами серии 1898–1910 годов, подписанных рукой несчастного кассира. Счастливый обладатель талисмана бережно хранил его в бумажнике, избегая использовать в качестве платежного средства.

История с рублем Брута демонстрирует столь же серьезные, сколь и иррациональные взгляды игроков — нередко вла-

в 1898 году не появились пятисотрублевые, которые разменивались на золотые монеты общей массой 430 граммов (387 граммов чистого золота). В московском Музее денег хранятся экземпляры второго и последнего выпуска (1910–1912) «катенек» и «петенек», выведенных из обращения в 1922 году. Эти купюры по праву славились как самые красивые в Европе, их сложный рисунок не мог подделать ни один фальшивомонетчик. В период революций и Гражданской войны, несмотря на существование денег новых образцов, «катеньки» и «петеньки» продолжали цениться.

«Петеньки» и «катеньки» считались самыми красивыми в Европе

дельцев солидных капиталов — на деньги. Далекие от мира больших денег простолюдины относились к тому, что было им недоступно, с ласковым юмором. Так, самые крупные купюры рубежа XIX–XX веков — 100- и 500-рублевые — назывались в народе «петеньки» и «катеньки» («катеринки») по отпечатанным на них портретам Петра I и Екатерины II.

В «Повести о жизни» К.Г. Паустовского есть глава «Старик со сторублевым билетом», герой которой много лет бесплатно ездил на трамвае, всякий раз предлагая кондуктору для оплаты одну и ту же купюру в 100 рублей, которую тот не мог разменять. Такие купюры олицетворяли мечту простого человека о богатстве. Взрослому мужчине, чтобы заработать «сотню», приходилось трудиться 2–3 месяца. В России сторублевые купюры были самыми крупными по номиналу до тех пор, пока

С юмором, но уже саркастичным, население относилось к «керенкам» Временного правительства. Двуглавого орла, на этих казначейских знаках лишенного регалий царской власти (короны, скипетра и державы), народ тут же окрестил «голым» и «общипанным». Для производства купюр номиналом 20 и 40 рублей использовались клише российских марок консульской почты, посему «керенки» имели небольшой размер. Печатались они разными красками по 40 штук на листе без перфорации в неспециализированных типографиях. На билетах отсутствовали дата выпуска, номер, серия — атрибуты полноценных денег; иногда за недостатком бумаги применялась односторонняя печать на обороте этикеток различных товаров и продуктов. Как следствие, эти деньги не вызывали к себе доверия и сразу же после выпуска получили прозвание «от кваса ярлыки».

Денежные знаки Временного правительства

«Керенки» задумывались как промежуточные деньги, но намеченный тираж постоянных кредитных билетов не состоялся из-за Октябрьской революции, и «от кваса ярлыки» задержались в обращении на пять лет — до 1922 года. Примечательно, что основная их масса была эмитирована вовсе не при Керенском, а позже — в 1918 году правительством РСФСР.

Также стоит упомянуть рубли «простые» и «золотые». Это условное название можно применить к советским деньгам выпуска 1937–1938 годов: в обращение одновременно вышли разменные деньги мелких номиналов — 1, 3, 5 рублей и червонцы, обеспеченные золотом. Рубль по сути являлся разменным средством при червонце. На «простых» деньгах были изображены рабо-

чий, солдат и летчик, а на «золотых», более представительных, впервые появился портрет В.И. Ленина.

Кстати, утверждение, что советская власть в рассматриваемом вопросе не принимала наследия императорской России, не совсем верно. Например, слово «червонец», применяемое к вышеназванным купюрам, заимствовано из царских времен — так называли зарубежные золотые монеты. В ходе проведения денежной реформы 1947 года поменялось оформление банкнот: если раньше на них изображались символы нового государства, то теперь все это исчезло; вертикальным построением и цветом деньги стали напоминать дореволюционные.

Ирина Рудольфовна Федоркова

¹Денга — собирательное название древнерусских серебряных монет, чеканившихся на Руси со второй половины XIV в.

²Надчекан — клеймо, нанесенное на монету для подтверждения ее подлинности, продления срока хождения и т. п.

³Штыковая медь — медь заводской выделки, отлитая в бруски.

⁴Аверс и реверс монеты — ее лицевая и оборотная стороны.

⁵Конвенционный талер — монета, имевшая хождение в некоторых немецких государствах с середины XVIII до середины XIX в.

Использованная литература

Денежное обращение России. Исторические очерки с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2010.

Денисов А.Е. Государственные бумажные денежные знаки 1769–1843 годов. М., 2002.

Он же. Государственные бумажные денежные знаки 1898–1917 годов. М., 2004.

Он же. Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1924–2005 годов. М., 2005.

Деньги XX века. М., 2002.

Зандер Р. Серебряные рубли и ефимки романовской России. 1654–1915. Киев, 1998.

Кауфман И.И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910 (репринтное издание, М., 2012).

Он же. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени. СПб., 1906 (репринтное издание, М., 2011).

Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С. Деньги России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000.

Памятные и инвестиционные монеты России. 1832–2007. Каталог-справочник. М., 2007.

Фон-Винклер П.П. Из истории монетного дела в России. СПб., 1897.

Спасский И.Г. Русская монетная система. Л., 1962.

Шиканова И.С. Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках. Очерки по истории бонистики XIX–XX вв. М., 2005.

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Впервые российский рубль упоминается как платежная единица в Тверском летописном сборнике под 1316 годом: тогда архиепископ Новгородский Давид уплатил 5000 рублей Великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому, чтобы тот снял «продовольственную блокаду» с Великого Новгорода¹. Правда, Тверской сборник дошел до нас в списках XVI–XVII веков, поэтому неточно передает тексты древнейших сводов. В Новгородской первой летописи говорится, например, что в 1316 году владыка откупился от Великого князя, уплатив «5 тем гривен серебра»² (то есть 50 000 серебряных гривен). Но о возникновении денежной единицы, именуемой «рубль», не позднее чем в первой трети XIV столетия убедительно свидетельствуют и иные памятники письменности (прежде всего новгородские берестяные грамоты). Так что юбилейную дату — 700-летие рубля — допустимо считать хотя и условной, но приемлемой.

За свою долгую историю рубль многократно менялся, но оставался рублем

С инициативой празднования юбилея выступил Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (НГОМЗ). В сентябре-октябре прошлого года об этом сообщили основные российские новостные ресурсы³. Главным событием торжества стала международная научная конференция (апрель 2016) в Великом Новгороде, где участвовали историки, археологи, нумизматы из ведущих музеев и научных организаций России, Белоруссии, Украины, Эстонии⁴. В докладах прозвучало немало нового об истории российской денежной системы.

К проведению конференции НГОМЗ приурочил сразу две специализированные выставки. Все желающие могут ознакомиться с ними до конца апреля 2017 года. Помощь в подготовке мероприятий оказали региональная организация Российского исторического общества и новгородское отделение Сбербанка России.

Безусловно, юбилей способствует укреплению уважительного отношения к рублю, у которого недавно появился собственный символ. И подарком монете можно назвать возвращение с этого года на ее аверс государственного герба. Как знать, не является ли сие первым шагом к национализации российской валюты? 700-летие рубля, став значимым общественным событием, нашло живой отклик во многих уголках нашей страны. Инициативу новгородцев поддержали сотрудники Красноярской государственной универсальной научной библиотеки, устроившие собственную выставку, где экспонируются книги по истории российских денег, а также вышедшие из употребления монеты, бумажные деньги и даже кошельки⁵. Работники Тульской областной специальной библиотеки для слепых представили подобную же экспозицию и «литературные произведения, где деньги сыграли для героев главную роль в их жизни, карьере, судьбе. <...> Среди них “Золотой ключик, или Приключения Буратино” А. Толстого, “Муха-Цокотуха” К. Чуковского, “Неразменный рубль” Н. Лескова, “Тим Талер, или Проданный смех” Дж. Крюса <...>»⁶. Отозвались и районные библиотеки, средние специальные учебные заведения, общеобразовательные школы. Так, Чебоксарский техникум технологии питания и коммерции не только познакомил студентов с возникновением рубля (в виде подготовленного педагогами информдосье), но и организовал слайд-аукцион, «на котором знатоки отвечали на вопросы, касающиеся истории рубля, угадывали имена предприимчивых литературных героев, вспоминали пословицы и поговорки о деньгах»⁷. Журнал «Мир музея» посвятил юбилею мартовский номер⁸. Этому примеру последовало издание «Нумизматика»⁹.

Не остались в стороне и российские землячества за границей. Представительство Россотрудничества в Узбекистане, например, провело круглый стол с приглашением специалистов Института истории АН Узбекистана, местного филиала

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

1. Киевская гривна. XII–XIII века.
2. Черниговская гривна. XII–XIII века.
3. Новгородская гривна. XII–XIV века.
4. Полтины. XII–XV века.
5. Литовская гривна. XII–XIV века

Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Ташкентского автодорожного института¹⁰. День рождения рубля отметили также русские казаки в Азербайджане, пригласив на свой праздник гостей из татарской и еврейской общин, местных деятелей культуры и молодежь¹¹.

Сообщая об этих событиях в Интернете, устроители лишь констатировали факты и не вдавались глубоко в тему. Однако некоторые все же решили сделать исторический экскурс. Очерк заместителя директора по научно-просветительской работе московского Музея денег И.Р. Федорковой¹² заинтересовал аудиторию и вызвал положительные комментарии посетителей музейного сайта. К сожалению, грубые фактологические ошибки в своих выступлениях допустили сотрудники Осташковской детской библиотеки. На тематических встречах с юными читателями они сообщили, что «прародительницей русского рубля можно считать гривну», представляющую собой «длинные полоски серебра, которые носили вокруг шеи». Вес гривны, по мнению библиотекарей, составлял «около 200 граммов». «Надо что-то купить, — рассказали они малышам, — снял с шеи и расплатился. А если товар попался дешевле — не беда: тут же гривну разрубил пополам и купил. Такая половинка и назы-

валась рубль»¹³. Впечатленные рассказом дети со свойственным им воображением тут же, наверное, представили себе некий средневековый «магазин» (оружие, доспехи, кони, невольники), торговца с топором для рубки серебра и очередь обвешанных гривнами покупателей...

В связи с этим всем будет, думается, кстати восстановить более вероятную историческую картину.

Гривнами в средневековой Руси называли как шейные украшения (в виде жесткого обруча), так и серебряные платёжные слитки различной конфигурации, действительно весившие около 200 граммов. Период их бытования — XI–XV столетия. Слитки эти, по сути являвшиеся стандартной формой товарного серебра, участвовали в крупных платежах — торговых и прочих (например, дань). Функцию разменного средства выполняли монеты. До возникновения в конце XIV века собственно русской чеканки в Северо-Западной Руси, не подвергшейся экспансии Золотой Орды, это были английские, немецкие, ливонские денарии, а в Северо-Восточной Руси, захваченной монголо-татарами, — золотоордынские серебряные данги и медные фельсы. При этом в качестве средства платежа широко использовались скот, пушнина, стеклянные бусы, шиферные пряслица. В период «серебряного кризиса» Европы (XIII–XIV века) в русские земли начали проникать и мо-

До возникновения собственной чеканки на Руси имели хождение как западноевропейские денарии (вверху), так и золотоордынские данги (внизу)

неты из золота: с запада — нобли, дукаты, гульдены, с востока — танка́ или мухры индийского происхождения, а также подражания последним, выпускавшиеся на территории Золотой Орды.

Однако вернемся к Интернету, который изобилует «авторскими» точками зрения на историю денег. Один из таких «знакоков» (увы, анонимных) в статье, выложенной на сайте Ассоциации банков Северо-Запада, пишет, будто, по одной из версий, слово *рубль* имеет общие корни со словом *рупия*, что означает «серебро, прошедшее обработку»¹⁴. Возможно, это так. Тем не менее словари отмечают следующее: слово *рупия* в переводе с санскрита соответствует понятию «чеканенное серебро» и в качестве названия монеты стало использоваться в Индии с XV века¹⁵. Хотя о сходстве санскрита и ряда славянских языков сейчас немало говорят, крайне сложно представить, каким образом слово *рубль* в XIII или начале XIV века могло зародиться в Великом Новгороде под влиянием культур Индостана?

На запрос о 700-летию рубля в поисковой строке «Яндекса» одним из первых всплывает материал сайта «Слово и Дело новости», датированный 1 января текущего года. «Вам не приходилось с утра заходить в магазин с пятитысячной купюрой, — спрашивается там, — чтобы купить зажигалку за 15 рублей? 146% гарантии даю, что при этом вы встречали весьма выразительный взгляд продавщицы и риторический вопрос: “А помельче не будет?”. В старину <...> на этот вопрос был простой ответ. Мужик брал топор и отрубал кусочек от гривны — слитка серебра весом примерно в 200 граммов, который тогда служил денежно-платежным средством. Вот этот обрубок слитка и назывался рублем. <...> Но ходить на базар с топором и каждый раз рубить гривны — это не слишком удобно. Поэтому при князе Дмитрии Донском начинается выпуск рублевых монет и монет поменьше, которые называли “денгами”. Далее повествуется о так называемой реформе Великой княгини Елены Глинской (ок.1508–1538), вызванной, по мнению автора, «переносом эмиссионного центра» из Новгорода в Москву. «В 1534 году в ход была выпущена новая монета с изображением всадника с копьём, от которого она и получила название “копейка”. Сто копеек составляли один рубль. Московское

царство стало первой страной, которая ввела удобную и рациональную метрическую денежную систему. Британия, например, перешла на метрическую систему только в 1978 году»¹⁶.

Если отбросить пассаж об утреннем походе в магазин, все остальное в приведенном отрывке не соответствует действительности. Рублем в начале его истории назывался не фрагмент — цельный 200-граммовый слиток, а половинка слитка — полтиной. И глагол *рубить* к слову

**Копейка (1), денга (2) и полушка (3)
в царствование Ивана IV Грозного**

рубль отношения не имеет. Никаких «рублевых монет» не существовало не только при Великом князе Дмитрии Донском (1350–1389), но и при всех правивших после него на Руси Рюриковичах. Новгородский, Псковский и Московский денежные дворы действовали одновременно еще почти век после смерти Елены Глинской, и лишь в 1626 году чеканка российских монет сосредоточилась в Москве. А деление рубля на 100 копеек стало привычным только к концу правления Петра I (1672–1725). Это — факты, доказанные исторической наукой. Что же касается метрической системы (в основу которой положены метр и килограмм), то ее для ускорения подсчета мелочи приспособили к денежному делу лишь в СССР, когда вес копейки положили равным грамму (двухкопеечник — 2 грамма, пятачок — 5).

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Монеты Петра I:

1. Червонец. 1701 год. Золото
2. Полтина. 1701 год. Серебро
3. Полуполтинник. 1701 год. Серебро
4. Гривенник. 1701 год. Серебро

Кстати, о 100-копеечном рубле. Многие ли могут сказать, как и при каких обстоятельствах в сознании русских людей сложилось четкое разделение рубля именно на сто копеек? Думаю, нет. Во время упомянутой выше реформы Елены Глинской 1535–1538 годов в обращение ввели единые для земель централизованного Русского царства монеты трех типов (их чеканили на расплюснутых обрезках серебряной проволоки): копейку весом около 0,68 грамма с изображением на аверсе вооруженного копьем конника, денгу весом 0,34 грамма, на которой всадник держал в руках саблю, и полушку весом 0,17 грамма с птицей на лицевой стороне. Наиболее употребительными единицами учета денежных сумм в пределах рубля были денги и алтыны (6 денег, от тюркского слова *алты* — «шесть»).

Рубль (весовое количество серебра, в то время равное весу уже трети прежней гривны-слитка — 68 граммам), таким образом, представлялся как 33 алтына 2 денги. Другие единицы денежного счета — «фракции» рубля полтина, четвертина, гривна — также складывались из алтынов и денег. Так было до начала 1720-х годов, когда в денежную массу, циркулировавшую в стране, влилось множество монет европеизированных типов, введенных Петром I: золотые червонцы и двухрублевники (1701 и 1718 соответственно), серебряные рубли (1704), полтины, полуполтины и гривенники (1701), пятакки, алтынники и копейки (последние до 1717 года включительно продолжали делать из проволоки), а также медные копейки (1704), денги и полушки (1700), появившиеся как размен проволоочных копеек из серебра. Параллельно Петр активно внедрял табличные формы учета денежных сумм (штаты, сметы, таблицы), где числа расписывались по столбцам. Для этого в начале 1720-х годов можно было использовать, наряду с рублями и копейками, алтыны и денги. Регламент 5 апреля 1722 года обязал осуществлять заполнение таблиц-«пустографок» только в рублях и копейках, что ускорило подсчеты. С 1724 года «старый счет на рубли — алтыны — денги используется рудиментарно»¹⁷. Все произошло буднично, без громких заявлений о том, что Россия обзавелась самой передовой в Европе десятичной системой денежного счета.

Как видим, по поводу истории российских денег в Интернете бытует немало до-

С вступком Петром I двух основных номиналов русской денежной системы — рубля (1) и копейки (2) — в 1704 году завершился первый этап денежной реформы 1698–1718 годов

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Золотой
двухрублевик
Петра I

мыслов. Возьмем опять же для примера всем известное название монеты — червонец. Автор упомянутого материала с сайта «Слово и Дело новости» пишет, что при Петре I «входит в оборот золотой червонец номиналом в три рубля», а затем добавляет в скобках: «Позже червонцем назовут десять рублей из-за красного — червонного — цвета десятирублевой купюры». Оба утверждения ошибочны. Червонец петровских времен (его называли тогда не червонцем, а «золотым червонным», что не одно и то же)¹⁸ являлся торговой монетой, достоинство которой менялось в зависимости от рыночной стоимости золота. В начале правления Петра Алексеевича «цена» червонца колебалась в районе 1,2 рубля, к 1710 году составляла около 2 рублей, к 1725-му — около 2,4 рубля серебром.

Выпуск двухрублевиков (1718)¹⁹ ознаменовал начало периода стабильности соот-

ношения цен на золото и серебро в России, но как только эта стабильность нарушилась (1729), от чеканки «золотых червонных двухрублевых» (как они именуются в источниках) отказались и вернулись к червонцу.

Золотая монета в 10 рублей, впервые выпущенная при императрице Елизавете Петровне, называлась не червонцем, а империалом (от слов «имперская монета» в его легенде). Слово *червонец* (отсутствующее у В.И. Даля) начинает широко употребляться в ходе первой советской денежной реформы (1922–1924), когда золотая монета, метрологически равная дореволюционному 10-рублевику, официально получила такое название и стала обозначать номинал банковых билетов, обеспеченных золотом. Бумажные червонцы выпускались до следующей реформы (1947), вернувшей в обращение 10-рублевую купюру, которая в 1961–1991 годах имела преимущественно

Бумажный
и золотой
червонцы
РСФСР

красновато-розовую окраску²⁰. Многие эту купюру хорошо помнят...

Но вернемся к рублю. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: названия новых денежных единиц возникают отнюдь не случайно, даже если они не утверждены законодательно (как нередко случалось в Средние века), а родились в процессе развития бытовой лексики. Это происходит, когда в обращение поступают новые, существенно отличающиеся от прежних формы денег (монет, слитков, в наше время — ценных бумаг). Здесь, похоже, и нужно искать причину появления слова *рубль*. А пока остается признать, что безусловно доказанной версии на сей счет в науке не существует.

В заключение хотелось бы сказать следующее. С «научным» дилетантизмом необходимо бороться — хотя бы посредством распространения в Интернете апробированных учеными сведений, чтобы исследователи имели перед глазами достоверную информацию, а не тексты, изобилующие подменами понятий²¹. Для этого нужны не только качественные издания²², но и надежные сайты, материалы которых были бы написаны профессионалами (не по диплому, а по существу) и отражали научные достижения во всех отраслях знаний. Надо, как при Петре Великом, «учиться у лучших»!

Игорь Владимирович Ширяков

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 15. С. 40

² Там же. Т. 3. С. 336.

³ <http://planet-today.ru/novosti/kultura/item/20275-700-letie-rublya-otmetyat-v-velikom-novgorode>; <http://novayagazeta-ug.ru/note/u11557/2015/09/23/126624>; <http://www.interfax.ru/russia/473478>; <http://ria.ru/culture/20151014/1301790008.html>

⁴ <http://53news.ru/novosti/23548-v-velikom-novgorode-otmechayut-700-letie-rublya.html>

⁵ <http://kudago.com/krasnoyarsk/event/vystavka-k-700-letiyu-rossijskogo-rublya/>

⁶ <http://www.tosbs.ru/component/content/article/2168--700->

⁷ http://new.chebttpk.ru/arxiv_novostey/arxiv2016/mart2016/

⁸ <http://detbibost.blogspot.ru/2016/01/700.html>

⁹ <http://www.numlit.ru/prensa.aspx?PressaID=233>

¹⁰ <http://www.sootechestvenniki.uz/glavnaya/700-letie-rossijskogo-rublya/>

¹¹ <http://ru.sputnik.az/life/20160427/404865403.html>

¹² <http://muzeydeneg.ru/research/700-let-istoriya-rublya/>

¹³ <http://detbibost.blogspot.ru/2016/01/700.html>

¹⁴ http://www.nwab.ru/static/single/-rus-common-/material42430_223133

¹⁵ <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D0%BF%D0%B8%D1%8F>

¹⁶ <http://slovodel.com/487305-700-let-russkomu-rublyu>

¹⁷ Синчук И.И. Начало копеечного счета в Российской империи // Шестая всероссийская нумизматическая конференция.

Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1998. С. 160.

¹⁸ Полонизированное название «золотой червонный» в русском языке начали широко употреблять ближе к концу XVII в. вместо прежнего названия («золотой угорский»), обозначавшего монету в 1 дукат (около 3,5 г) из самого лучшего («красного») золота (см.: Ширяков И.В. Русские названия золотых монет в XV–XVII вв. Обобщенные данные // Четвертая всероссийская нумизматическая конференция. Дмитров, 22–26 апреля 1996 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1996. С. 97–99). Производное от словосочетания «золотой червонный» слово *червонец* вошло в состав общеупотребительной лексики существенно позднее — возможно, к концу XVIII в. — и в течение XIX в. в нумизматической литературе прочно закрепилось за монетами стандарта дуката.

¹⁹ Ширяков И.В. «Червонные двухрублевые» 1718 г. // Пятнадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 167–170.

²⁰ Преобладание розовато-красного цвета закрепилось за купюрами в 10 руб. с момента первого их выпуска в 1786 г.

²¹ Ширяков И.В. Освещение истории российских денег в современной отечественной учебной литературе для студентов, обучающихся по специальности «экономика» // Экономические реформы в России и за рубежом. Сборник статей. М., 2014. С. 252–267.

²² См.: История денежного обращения России. В 2 т. Т. 1. М., 2011.

ПОДПИСКА-2017

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на наш журнал можно:

- В любом почтовом отделении.

Индекс в каталогах: «Роспечать» — 73371,
«Почта России» — 99716, «Пресса России» — 42158.
Подписку также можно оформить через агентство
«МК периодика»: (495) 681-91-37,
(495) 684-50-08 (для зарубежных подписчиков).

Подписной купон на обороте.

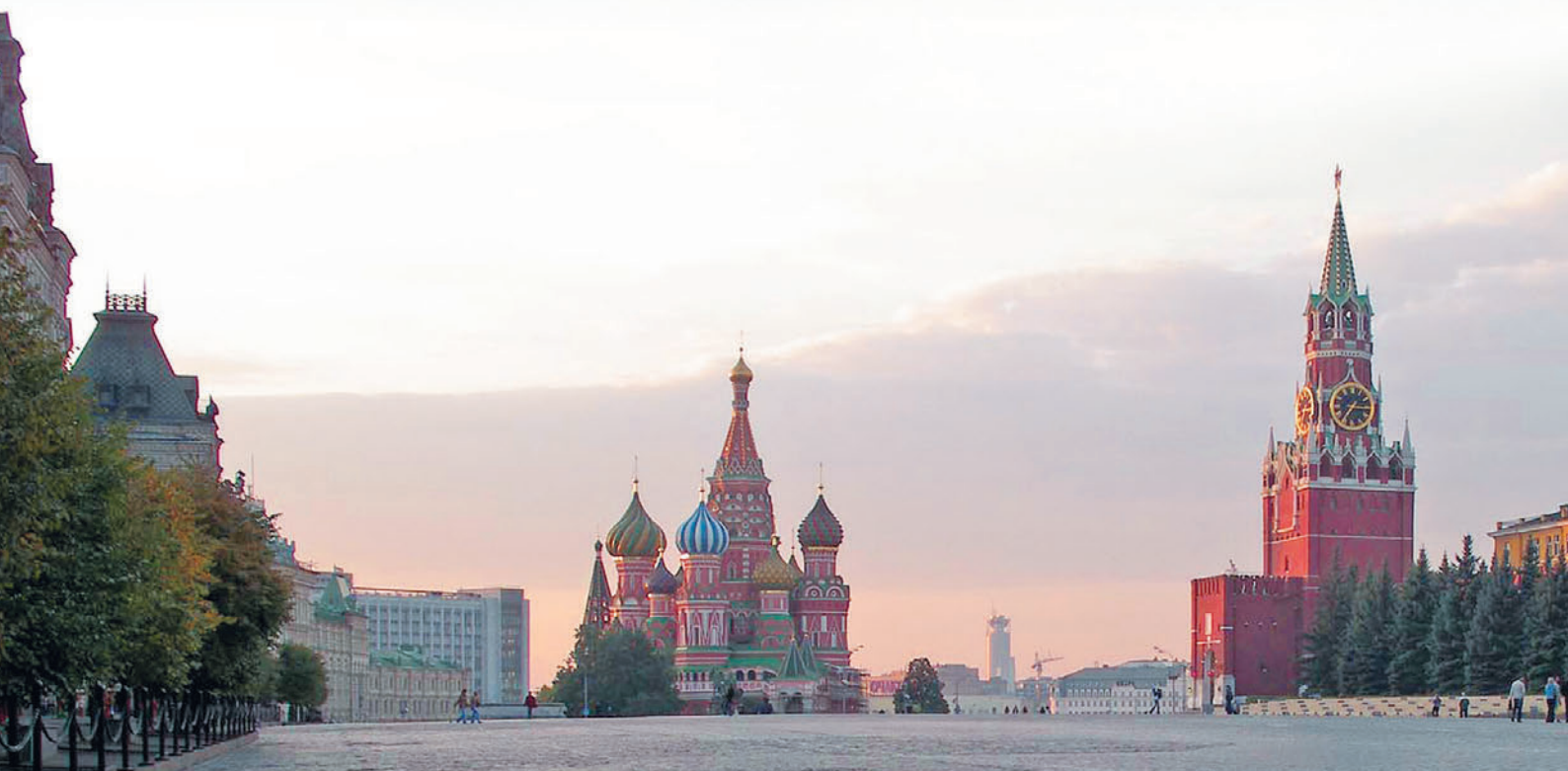
- На сайте www.vm.ru

- В редакции по адресу: 127015, Москва, Бумажный пр-д, д. 14, стр. 2.
Телефон для справок: (499) 557-04-07.

Стоимость подписки с доставкой по почте — 900 рублей.

- В книжном магазине ТД «Библио-Глобус»
ежедневно с 10.00 до 19.00
по адресу: Москва, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, зал 8, оф. 30.

Электронная версия журнала — на www.pressa.ru

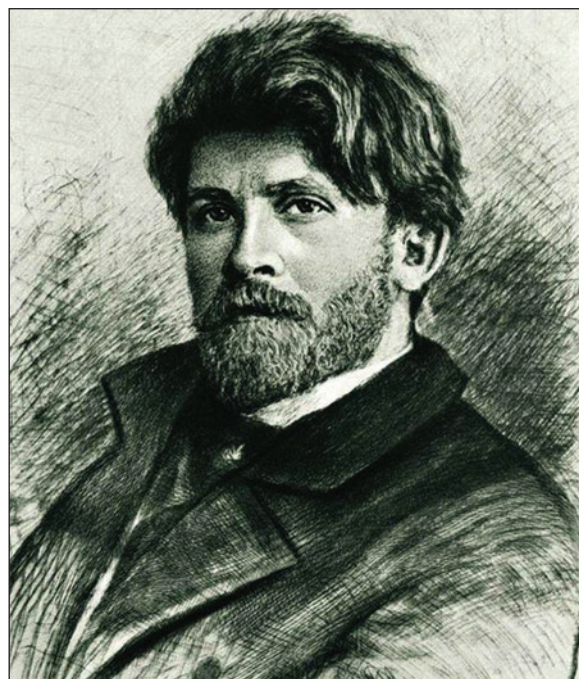

Галина Владимировна Аксенова

Рябушкин знакомый и незнакомый

**Образ художника Андрея Петровича Рябушкина (1861–1904)
в словесных описаниях,
а также на картинах и рисунках разных лет**

О замечательном русском живописце Андрее Петровиче Рябушкине «Московский журнал» писал уже не раз. Так, малоизвестным и неизвестным страницам его творчества была посвящена недавняя публикация в августовском номере. Немалый интерес представляет и сама личность Рябушкина — характер, внешность, увлечения. На сегодня мы имеем не так много фотоснимков, графических и живописных материалов, дающих представление о том, как выглядел этот, по отзывам современников, во всех смыслах неординарный человек. Наиболее распространенным и едва ли не «каноническим» его изображением является гравюра В.В. Матэ (1904). Имеется выполненный в середине 1880-х годов живописный автопортрет, местонахождение которого определяется как «частная коллекция»¹. Остались два словесных описания от близких друзей художника. Вот отрывки, касающиеся внешности: «Его небольшая, но чрезвычайно пропорциональная фигура, бледное лицо, обрамленное русой бородой, светлые белокурые волосы, всегда немного взлохмаченные, тонкая изящная линия носа и рта, кроткое выражение глаз, тихий грудной голос и некоторая застенчивость подкупали всех и каждого»²; «Склад лица и небольшой фигуры Рябушкина отличался какой-то особой пропорциональностью, хрупкой и тонкой миловидностью, напоминавшей о фарфоровых статуэтках. Станным образом этот склад повторялся в рисунке и очертаниях фигур в его картинах, сочетался с той осо-

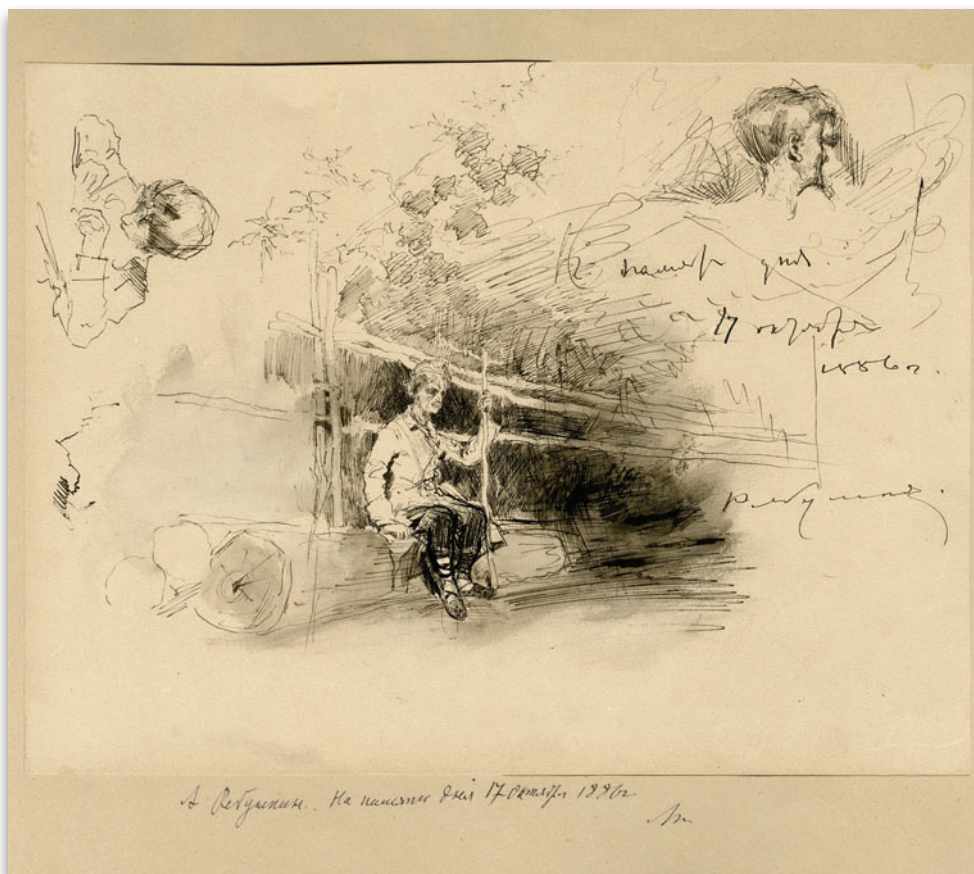

*Андрей Петрович Рябушкин.
Гравюра работы В.В. Матэ. Начало XX века*

бой “правильностью”, которая была результатом академического обучения. Как бы наглядно подтверждалось старинное убеждение, что каждый художник в рисунке тела передает свою собственную организацию и ее особенности. В обрамлении словно выточенного, несколько неподвижного лица светлой бородкой и густыми волосами было нечто крестьянское, в фигуре тоже то спорое и ладное, что бывает у ловких работников на все руки. Но в общем весь облик Рябушкина <...>

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

А.П. Рябушкин.
Памяти дня
17 октября
1886 г.
Бумага, тушь,
перо. 1886 год.
ОР РНБ.
Ф. 796. Оп. 2.
Ед. хр. 359

совершенно не соответствовал представлению о художнике, вышедшем из народа, из самой глубины России, с целым поколением предков крестьян»³.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки находится архив одного из ближайших друзей А.П. Рябушкина — литератора и художника И.Ф. Тюменева (1855–1927). Здесь представлены дневники, записные книжки, письма, автобиографические сочинения, фотографии, рисунки. Значителен объем документов, связанных с жизнью и творчеством Рябушкина. Прежде всего это альбомы, альбомчики и записные книжки, а также адресованные Тюменеву письма Андрея Петровича, сопровождаемые рисунками⁴. Всего в тюменевском фонде насчитывается 295 рисунков А.П. Рябушкина⁵. Помимо перечисленного, фонд содержит рисунки других художников рябушкинского окружения — В.П. Павлова, В.В. Беляева, В.В. Матэ, А.Х. Преображенского, А.Е. Архипова, архитектора А.Я. Рейнберга. Путешествуя вместе, они фиксировали «музыкальные посиделки», рыбалки, пикники и прочие забавные эпизоды своих творческих скитаний «по Руси»⁶. Эти «изосвидетельства» бережно сохранил И.Ф. Тюменев, поместив их в автобиографический

А.П. Рябушкин. *На деревенских «посиделках».*
(С гармонью Рябушкин изобразил себя.)
Гравюра по рисунку.
Журнал «Север». № 52. 1893 год

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

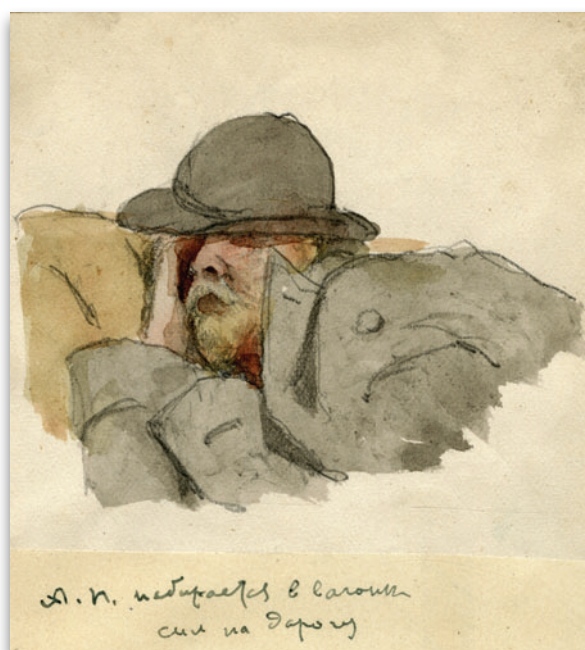
А.Я. Рейнберг. Я и Рябушкин.
Бумага, карандаш. 1886 год.
ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 135 об.

**В.П. Павлов. Василий Васильевич
и Андрей Петрович варят [уху].**
Бумага, карандаш. 25 мая 1895 года.
Ед. хр. 18

И.Ф. Тюменев. А.Я. Рейнберг и А.П. Рябушкин.
Бумага, перо, чернила, карандаш. 1886 год.
Ед. хр. 16. Л. 136

И.Ф. Тюменев.
А.П. набирается в вагоне сил на дороге.
Акварель. 1892 год.
Ед. хр. 17. Л. 27 об.

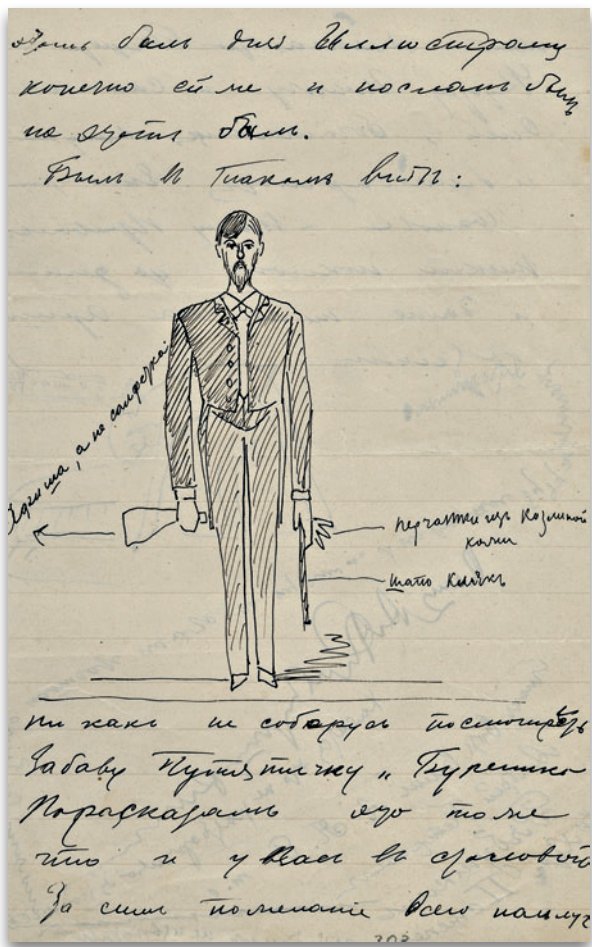

А.Е. Архипов. Я, Рябушкин и Рейнберг.
Бумага, карандаш. 1886 год.
Ед. хр. 16. Л. 136 об.

И.Ф. Тюменев. А.П., спящий сном праведника.
Бумага, карандаш. 1892 год.
Ед. хр. 17. Л. 36

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

А.П. Рябушкин. Автопортрет.
Страница письма И.Ф. Тюменеву
от 29 ноября 1889 года.
ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 303

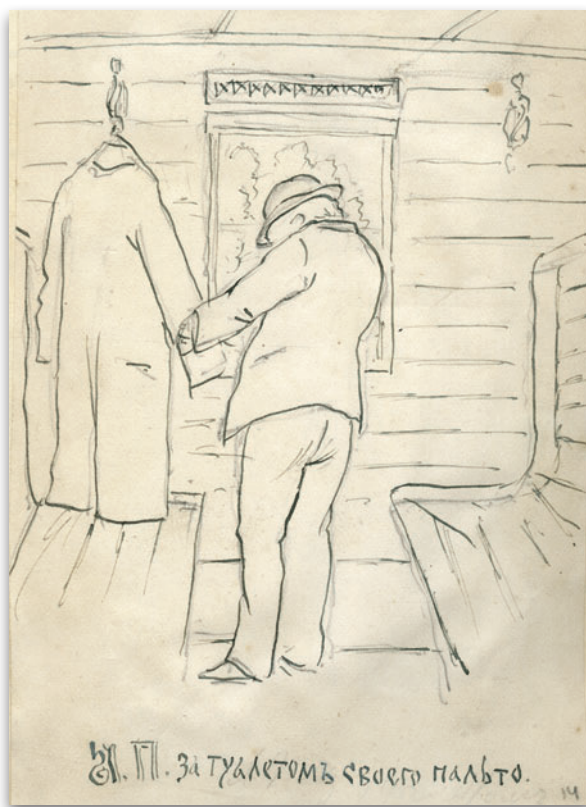
дневник⁷. На акварелях, карандашных набросках, рисунках пером и тушью Рябушкин запечатлен сидящим с гитарой в компании друзей или за столом у самовара, вместе с В.В. Беляевым варящим на берегу реки уху, поющим... Что касается «музыкальных» сюжетов. Андрей Петрович любил музыку и играл на нескольких музыкальных инструментах — фортепьяно, балалайке, гитаре, черемисских гусях. Но предпочтение отдавал тальянке. В одном из писем он рассказывал: «Нынче вечером у меня собирается беседа. <...> Будет, нужно думать, весело. <...> Я купил в Петербурге тальянку за три рубля. Товарищ мой здорово играет на балалайке и имеет свою, которую и привез из Петербурга. Словом, гуляй, ребята»⁸. Описанная сцена нашла отражение в одной из журнальных работ художника — «Деревенские посиделки».

Автошаржи и ироничные автопортреты А.П. Рябушкина отличались «иск-

ренностью и простотой, тонкой наблюдательностью, <...> исчерпывающей типичностью»⁹. Вот фрагмент одного из его иллюстрированных писем: «Был в таком виде. Представил себя во фраке, в перчатках из козлиной кожи, с шапокляком в левой руке и с афишей — в правой» (тут же соответствующий рисунок)¹⁰. В фонде И.Ф. Тюменева сохранился интересный графический документ, выполненный пером и тушью и имеющий заголовок: «Памяти дня 17 октября 1886 г.» — гротесковомористический рассказ А.П. Рябушкина о своем 25-летнем юбилее.

* * *

Интерес к творческому наследию и к самой личности Андрея Петровича Рябушкина как среди ценителей русской живописи, так и среди нынешних тружеников на художественной ниве в наши дни возрождается. Одним из доказательств тому служит выполненный в 2002 году тогда еще выпускником РАЖВиЗ С.А. Котовым «Портрет художника А.П. Рябушкина» (дипломная работа). Но и это полотно, и вообще творчество Сергея Алексеевича Котова заслуживают не просто упоминания, а отдельного очерка, который и следует далее.

И.Ф. Тюменев. А.П. Рябушкин за туалетом своего пальто. Бумага, перо, тушь. 1892 год.
Ед. хр. 17. Л. 27

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

А. П. поющий песню о Разине
мой набросок

И.Ф. Тюменев. А.П., поющий песню о Разине.
Бумага, перо, тушь. 1895 год.
Ед. хр. 18. Л. 169 об.

А. П. РЯБУШКИНЪ
(набросок мой)

И.Ф. Тюменев. А.П. Рябушкин.
Бумага, карандаш. 1886 год.
Ед. хр. 16. Л. 147 об.

он-же.
набросок В. В. Б.

В.В. Беляев. Рябушкин с гитарой.
Бумага, карандаш. 1895 год.
Ед. хр. 18. Л. 169 об.

¹См., напр.: Власова Р.И. Андрей Петрович Рябушкин. Жизнь и творчество. 1861–1904. М., 2014. С. 56.

²Воскресенский А.К. Рябушкин. Биографический очерк. СПб., 1912. С. 4–5.

³Ростиславов А.А. Андрей Петрович Рябушкин. Жизнь и творчество. СПб., [1913]. С. 10.

⁴Аксенова Г.В. «Здесь родная стихия художника...» Борисоглебская земля в рисунках Андрея Петровича Рябушкина (1861–1904) // Московский журнал. 2016. № 8. С. 87–96.

⁵Соловьева Б.А. Рисунки А.П. Рябушкина в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Власова Р.И. Указ. соч. С. 155–182.

⁶«По Руси» — название многотомного альбома рисунков, созданного при участии И.Ф. Тюменева, А.П. Рябушкина, В.П. Павлова, В.В. Беляева, А.Х. Преображенского, А.Я. Рейнберга, А.Е. Архипова и др. во время их путешествий с 1892 по 1900 г. В фонде И.Ф. Тюменева из 20 созданных папок сохранилось 14 (ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 267–278).

⁷Тюменев И.Ф. Моя автобиография (Там же. Ед. хр. 16–20).

⁸Письмо к И.Ф. Тюменеву от 21 ноября 1891 г. (Там же. Ед. хр. 171. Л. 28 об.).

⁹Воскресенский А.К. Указ. соч. С. 16.

¹⁰Письмо к И.Ф. Тюменеву от 29 ноября 1889 г. (ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 303).

Иван Иванович Магер

Портрет, натюрморт, пейзаж...

**О московском художнике и педагоге
Сергее Алексеевиче Котове**

С.А. Котов родился в 1973 году в Курске. После школы в 1990-м поступил на художественно-графический факультет Курского государственного педагогического университета, по окончании которого (1995) один год преподавал рисование и черчение в школе, а в 1996 году, успешно пройдя творческий отбор и сдав экзамены, поступил в Академию живописи, ваяния и зодчества. Обучение в портретной мастерской под руководством профессора Лейлы Самиуловны Хасьяновой завершилось защитой дипломной работы — «Портрет художника А.П. Рябушкина» (2002).

Поставив перед собой задачу создать портрет этого выдающегося мастера жанровой и исторической живописи (1861–1904), С.А. Котов подошел к делу предельно ответственно. Сложность, помимо прочего, заключалась еще и в том, что уже существовал хорошо известный портрет Андрея Петровича Рябушкина, выполненный в 1904 году рисовальщиком и гравером В.В. Матэ. Преодолеть сложившийся с тех пор стереотип восприятия рябушкинского облика, дать собственное понимание личности столь много потрудившегося во славу русского искусства художника — на это требовалась определенная смелость, кото-

рой Котов, несомненно, обладал. Учеба в академии во многом способствовала его профессиональному и духовному росту. От холста к холсту, от рисунка к рисунку отрабатывались навыки и технические приемы. Из-под кисти Сергея выходят такие полотна, как «Спасо-Андроников монастырь» (1997), «В монастыре Коренная пустынь» (1998), «Прощание на вокзале» (1998), «Дорога в деревню» (1998), «Закат на Волге» (1998–1999), «Преподобный Серафим» (1999), «У стен монастыря. Суздаль» (1999). Интересно композиционное и колористическое решение темы ярмарки в малом дипломе художника: в итоге у Котова получился живописный экскурс в историю родного города («Ярмарка в Коренной», 1999). Далее — летняя практика в старинном Суздале и в Городце на Волге, обращение к излюбленной теме дороги («Дорога на хутор Серебряный», 2001), написание серии портретов, в том числе «Автопортрета» (2001) и удивительно проникновенного, лирического, светлого портрета пожилой женщины («Мария Филипповна», 2001). То были этапы непростого пути к воплощению на холсте образа Рябушкина — мастера, по словам современников, «всецело посвятившего себя родине», утверждавшего в своем творчестве «красоту иной, далекой

Портрет художника А.П. Рябушкина. Холст, масло. 2002 год

жизни, противостоящей суетности, стяжательству, пошлости» и оставившего потомкам «мир, который [он] нашел в душе среди воспоминаний о прошлом». Котов запечатлел художника в процессе работы. Хотя картины, над которой он трудится, не видно, Котов дает подсказку: на мольберте — одно из самых философских и автобиографичных рябушкинских полотен «Втерся парень в хоровод...» (1902), символизирующее тернистый путь художника, стремящегося к признанию. Подсказкой-отсылкой служат изображаемый Рябушкиным вид за окном мастерской (пламенеющий куст рябины, женщина с коромыслом) и предметы интерьера (расшитый рушник, берестяной короб, балалайка) — все это фигурирует в «Хороводе». Перед нами именно тот самый Рябушкин, о котором друзья говорили: «К нему влекла непосредственность природы, скромность, серьезность или весь внешний и внутренний облик, обладавший какой-то гармонической мягкостью, спокойствием. <...> В жизни встречаются иногда удиви-

тельно счастливые личности, всюду возбуждающие к себе самое искреннее чувство симпатии, — к таким именно счастливым принадлежал и <...> А[ндрей] П[етрович]».

Осенью 2002 года С.А. Котов начал преподавать в Московской государственной специализированной школе акварели (позже — Московская государственная академия акварели и изящных искусств) Сергея Андрияки.

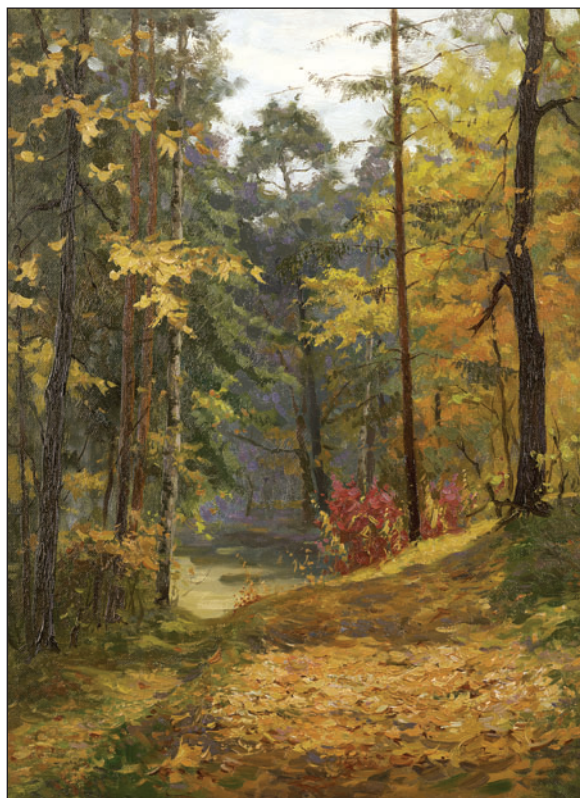
Талантливый продолжатель традиций русской реалистической живописи, С.А. Котов прежде всего — мастер портрета. Важное место в его творчестве занимает и натюрморт. Также Сергей Алексеевич создает тонкие лирические пейзажи. В последнее время он много трудится в этом жанре, путешествуя по России, проводя мастер-классы и пленэры со студентами. Интересна художнику и древнерусская монастырская архитектура.

Вот уже более десяти лет Сергей Алексеевич преподает изобразительное искусство и ведет спецкурс «Портрет». Он участвовал

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

в подготовке учебного пособия «Акварельная живопись» (Часть 1. «Начальный рисунок». М., 2009) и иллюстраций к учебнику «Волшебство акварели», в создании учебно-методического фильма «Учебный рисунок» (2009). Одной из важнейших традиций Школы, а затем и Академии Сергея Андрияки является организация открытых уроков и мастер-классов. Сергей Алексеевич не стоит в стороне от этих мероприятий. Так, в 2011 году в рамках реализации Фондом социально-культурных инициатив долгосрочной инновационной программы «Передвижная академия искусств» он провел мастер-классы и открытые уроки для педагогов и учащихся художественных школ Республики Саха (Якутия).

С.А. Котов — экспонент многочисленных российских и зарубежных выставок; его произведения находятся в штаб-квартире ЮНЕСКО, в фонде Российской академии живописи, ваяния и зодчества, в краеведческих музеях Городца и Липецка, в российских и зарубежных частных собраниях.

Теплая осень. Холст, масло. 2005 год

Баньки. Тонированная бумага, тушь, перо. 2005 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Узтона. Этюд. Картон, масло. 2005 год

Натюрморт с гранатами. Бумага, акварель. 2009 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Женский портрет. Набросок.
Бумага, карандаш. 2001 год*

*Мария Филипповна.
Холст, масло. 2001 год*

Монах. Бумага, акварель. 2012 год

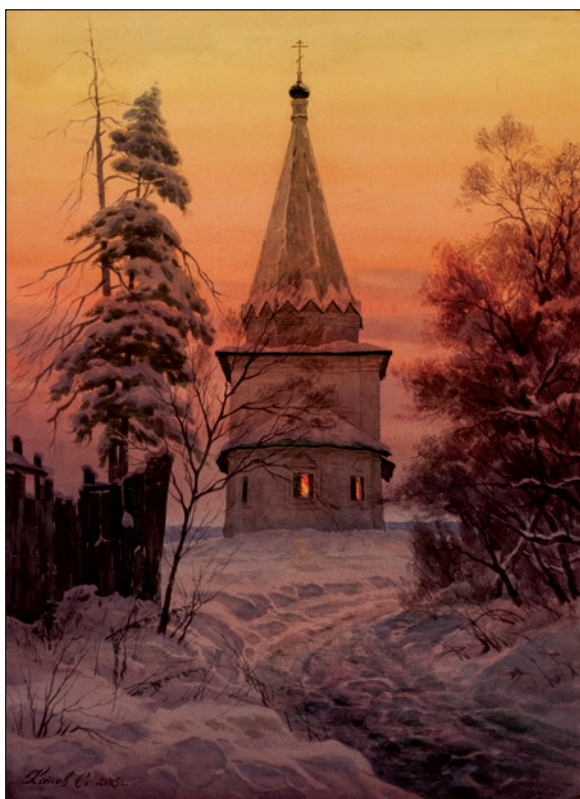

Отец Сергей. Холст, масло. 2001 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Начало марта. Купель. Холст, масло. 2011 год

*Часовня в селе Петровское.
Бумага, акварель. 2013 год*

*Жаркий день.
Холст, масло. 2015 год*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Хризантемы и яблоки.
Бумага, акварель. 2013 год*

Заросший пруд. Холст, масло. 2015 год

Даша. Холст, масло. 2008 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

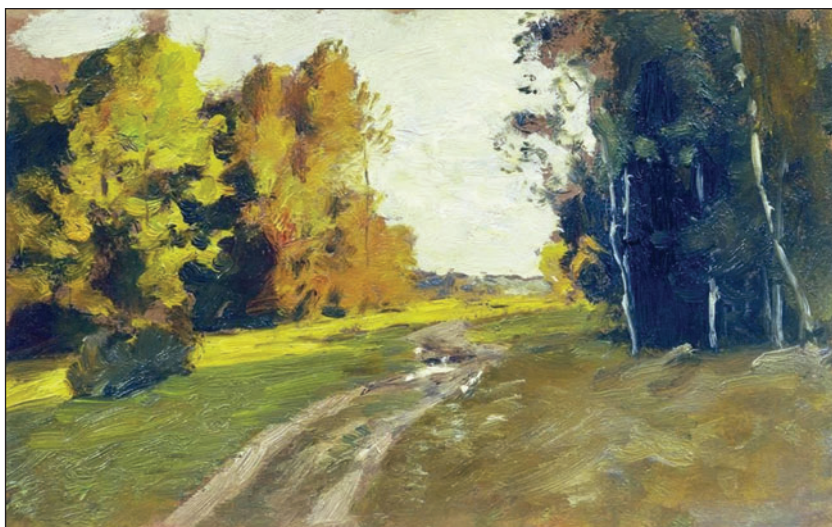
*Мечта. Портрет Арсения.
Бумага, акварель. 2014 год*

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**О видном теоретике
в области
воздухоплавания
русском
вице-адмирале
Николае Михайловиче
Соковнине
(1811–1894)**

**Пути в далекое прошлое:
где пролегали древние подмосковные дороги**